

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

РАНДЕВУ С ПОКОЙНИКОМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Рандеву с покойником

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Рандеву с покойником / Л. Соболева — «АСТ»,
2018 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-104202-8

Сытая, размеренная жизнь верхушки администрации города – мэра, его замов, крупных бизнесменов, главного редактора местной газеты – нарушена самым неожиданным образом. К ним является... покойник. Memento mori – напоминает он и сообщает, что за неделю уничтожит их всех. Что это? Чья-то глупая шутка или происки конкурентов? И кто он, этот призрак, – посланец с того света или человек, неведомо как оживший и пришедший расквитаться за свое унижение, разорение и заключение в тюрьму? А размышлять-то особо некогда – события развиваются с адской скоростью. Жизнь «отцов города» за эти роковые семь дней превращается в кошмар, в звериную борьбу за место под солнцем, за сохранение того, что они всегда считали главным, – власти и богатства. Семеро против одного. Один против семерых. Кто кого?.. Книга также издавалась под названием «Остатки былой роскоши».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104202-8

© Соболева Л., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1. Покойник приходит на закате	6
Глава 2. Свидание с покойником	25
Глава 3. Кто покойник?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лариса Соболева

Рандеву с покойником

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Если кто-нибудь из читателей в данном произведении узнает себя или некоторые эпизоды покажутся до боли знакомыми, автор клятвенно заверяет: это чистая случайность.

Глава 1. Покойник приходит на закате

1

Красный закат гас, сгущались сумерки. Ни ветерка. Кругом покой, благоухание и благодать. Но Хрусталева не тронула южная весна красотою буйного цветения, а покоя он давно лишился. Воскресный майский вечер Матвей Фомич Хрусталев в гордом одиночестве проводил в загородном доме, так как взбунтовалась печень. В его положении – заместителя главы администрации по зарубежным связям – пить приходится литрами. Нет, ведрами. Вот и взял тайм-аут на парочку дней. А ведь сегодня день рождения банкира Цинкова; в городе так и называют этот банк – цинковый, переставив ударение на первый слог. Впрочем, Цинков стоит на ногах монументально, банкира на металлолом не отправишь, он несгораем, непотопляем, посеум народ дал такое прозвание и его банку.

В принципе Хрусталеву в этот вечер было плевать на банкеты и банкиров. Он скушал горсть таблеток и ждал, полулежа в плетеном кресле на веранде, когда же прекратится нытье в печени. Вся его длинная, худая фигура скукожилась, некрасивое лицо с заостренными чертами исказила страдальческая мина. Женщина в сорок пять – ягодка, а о возрастном цензе мужчин нет изречений, во всяком случае, Хрусталев таковых не знает. К сожалению, он не ягодка. И не плод. А если и плод, то подгнивший, на вид невзрачный в свои сорок пять. Все печень проклятая. А взглянуть в зеркало – мешки под глазами подают еще один сигнал тревоги: и почки! Цвет лица болезненный, пепельно-серый. К врачам он не обращался, ну их к лешему. Как нарисуют диагнозов том, так помереть можно от одной мнительности, поэтому занялся самолечением, вооружившись советами и надеждой на «авось пройдет и так».

Жена просила цветочки полить – не полил. Труд он не уважает, крестьянский тем более. Загородный дом не роскошь, а необходимость. Для одних это способ добыть пропитание, для других – престиж. Матвей Фомич относится ко второй немногочисленной категории. Он не гнет спину на грядках до седьмого пота, не борется с насекомыми и сорняками, отравляя одновременно себя, не глядит на небо в ожидании дождя, а пожинает плоды чужого труда, то есть нанятых поденных работников, которых всякий раз норовит надуть при расчете. Как говорится, берешь деньги чужие, а отдаешь-то свои, так вот, отдавать их никто никогда не хочет и никому. Хрусталев в этом уверен. Вообще-то ему нравится здесь, но денег эта чертова дача сжирает уйму, хочется, чтобы все на уровне было, а уровень стоит дорого.

Отхлебнув успевшего остыть чайку, Матвей Фомич с тоской обвел взором дачный участок. Жизнь хороша. Но хороша, когда ничего не болит. Кажется, и с легкими нелады, кашель какой-то чахоточный по утрам и вечерам – не простудный, нет, а надрывный... Неожиданно Хрусталев переключил внимание на цветник перед верандой. В густых зарослях высокого растения, цветущего лишь весной белыми зонтичными цветами, раздался подозрительный шорох. Матвей Фомич подумал, что это кошка, и потому крикнул:

– Брысь!!!

Представителей семейства кошачьих он терпеть не может, особенно их запах. Однако кошка, если это она, не испугалась и не рванула прочь с чужой территории, а затаилась. Даже странно стало: отчего кошка не драпает? Надумала на столе ревизию сделать? Котов нельзя привечать, от них одни глисты в утробе. Примерно такие мысли лениво шевельнулись в его голове. Хрусталев нехотя встал, поискал, чем бы запустить в кусты. Не найдя ничего подходящего, сошел с веранды и еще раз угрожающе рявкнул:

– Брысь, сволочь!!!

«Сволочь» и не думала улепетывать. Тогда он взял метлу, неряшливо брошенную у ступенек соседкой, живущей здесь круглый год и выполняющей обязанности уборщицы на участке Хрустальных, и шагнул к кустам. Показалось в сумерках, или там правда кто-то не то сидит на корточках за кустами, не то стоит. Ба! Да там, кажется, человек. Матвей Фомич сам не храброго десятка, но тут он вспомнил, что по соседству полно дачников, на шум, если что, сбегутся. Тут же родилась вторая мысль: возможно, кто-то из соседей решил стащить чего-нибудь. Ну это верх наглости! Хрусталева черенком метлы раздвинул длинные ветви и...

Ужас, охвативший Матвея Фомича, невозможно передать. За кустом на самом деле стоял человек. Не просто человек, а самый настоящий мертвец. Стоит и смотрит в упор! Мертвый! Как живой!!! Не так давно он лежал в гробу, его закопали, лопатами прибили землю, забросали холм венками, а он – вот он. В костюме, в каком лежал в гробу. Синюшные губы, стеклянный взгляд... Мертвенную бледность покойника подчеркивали белые цветущие шарики кустарника. До него можно дотянуться рукой!

Хрусталева – человек современный, знает, что этого не может быть, потому что быть не может. Но при виде восставшего из гроба мертвеца у него все волосы, какие растут на теле, встали дыбом и произошло мочеиспускание. Он этого даже не заметил, открыл рот, чтобы позвать на помощь, однако звуков не исторг, как ни старался.

– Ааааа... – Из горла Матвея Фомича вырвалось лишь шипение из одной буквы.

Сердце его захолонуло. Хрусталева вытаращился на мертвеца, мертвец на него. Длилось это вечность. Наконец призрак медленно наклонил голову и так же медленно сделал шаг вперед. Матвей Фомич попятился, упал на ступеньки, больно стукнувшись поясницей, подскочил, будто его ужалила оса, и быстрее пули метнулся в дом. Руки его не слушались, когда закрывал замки. Наконец два громких щелчка возвестили, что теперь он заперт, а мертвец остался снаружи. Этого мало! Хрусталева забрался под лестницу, ведущую на второй этаж, и сжался в комочек, такой махонький-махонький, хотя рост у него под метр восемьдесят. Только под лестницей тело его вдруг затряслось, как отбойный молоток, и покрылось потом. Пот стекал с висков, по спине, по ногам... Впрочем, по ногам стекала моча, но это неважно, потому что бедняга находился в состоянии, которому и названия нет.

Сколько прошло времени – неизвестно. Возможно, много. Хрусталева дышал как тягловая лошадь на последнем издыхании и даже не пытался понять, что это было. Он безостановочно крестился, пробовал прочесть молитву, но, не зная ни одной, кроме фразы: «Отче наш, иже еси на небеси...», повторял ее шепотом без конца. Работал телевизор, и его звуки, долетавшие до Матвея Фомича, означали, что он еще на этом свете, а не на том. Однако это несколько не успокаивало.

Но вот затренькал мобильник. Телефон. Спасение! Он позовет на помощь, за ним придут, и все кончится. Хрусталева ринулся к трубке, лежавшей на диване, наскакивая на мебель, падая и поднимаясь. Да только не получилось позвать на помощь – схватив трубку, он оказался способен произнести лишь все то же хриплое «аааа». Звонивший не откликнулся. Хрусталева вдруг тоже замолчал, напрягшись, потому как молчание в трубке показалось странным. Он начал озираться в темноте с неопишуемым безумием на лице, когда услышал:

– Я здесь, Матвей.

Это сказал... по телефону... человеческим голосом... покойник! Вполне нормальным голосом, каким говорил при жизни. Хрусталева ощутил присутствие мертвеца на каждом метре площади дома – за спиной, над головой, всюду. Тут его повело, и, падая, он подумал: «Я умираю. Как хорошо...»

2

В это же воскресенье, восьмого мая, но часов в одиннадцать ночи в шикарном автомобиле «Фольксваген» ехала казна города. В смысле не деньги, а человек, заведующий казной, – Валентин Захарович Ежов. Этого сорокалетнего господина можно было бы назвать привлекательным, если бы не его волонтаристский склад характера, излишняя надменность и недоверчивость, которые очень отразились на внешности. Он худощав, всегда с прямой спиной, стрижен коротко и аккуратно, темноволос, скуласт, с тонкими чертами лица, достопримечательностью которого являются вьедливые черные глаза. Основная черта Ежова – мстительность, потому его боятся сослуживцы, а простые смертные ненавидят. Он умен, когда хочет – вежлив, подвержен частой смене настроений.

А настроение на данный момент у него было самое отвратное. Во-первых, какая-то подлюга подсунула «желтуху», где опубликовали интервью его законной. Он подсутился – тираж, пришедший из области, весь скупил еще вчера, в субботу утром. А сегодня на банкете в честь дня рождения банкира Цинкова неизвестный мерзавец подбросил в карман пиджака газетенку. Ежов этого даже не почувствовал. Сунул руку в карман, а там она, знакомая каждой буквой газетка! Теперь гарантии нет, что сей номерок не попал еще в чьи-то руки. С Алькой, родной женой, распустившей язык, он еще не говорил. Она пару дней решила провести у заболевшей мамочки. К теще он, конечно, не поедет выяснять отношения – с двумя гарпиями ему ни за что не справиться, но когда Алька вернется домой... И Ежов заскрежетал зубами. Во-вторых, Цинков вел себя по-хамски: Ежов его поздравлял, а он повернулся задом и разговаривал в голос с тлей из камерного оркестра, до того пилившей на скрипке. Это называется – приехали!

И тут Ежов тоже приехал на условленное место. Заглушил мотор, выключил фары. Ждал недолго. Сделав круг на повороте, резко затормозила «Волга» и сразу умчалась, оставив женскую фигуру, маячившую в темноте. Фигура целенаправленно двинулась в сторону автомобиля Ежова, а он приготовил машину к старту. Минуту спустя вел «Фольксваген» уже по дороге к дачам.

А присоединилась к нему совесть города, то бишь заместитель главы администрации по социальным вопросам Зинаида Олеговна Туркина. Зиночка похожа на перину, до отказа набитую пухом. У нее короткая модельная стрижка «мисс начальница», одета в деловой костюм строгого покроя, предназначенный для банкетов. Одежда совести города может показаться однообразной, но заикнуться на эту тему равносильно смерти. У Зиночки одеяния делятся на две разновидности: костюмы деловые и костюмы нарядные. Первые строже, вторые дороже. Зинаиду Олеговну в городе прозвали гюрзой, потому что, когда у нее чего-то требуют, она будто впадает в транс, глаза ее стекленеют и смотрят сквозь собеседника. А после требователь может рассчитывать на отказ по всем статьям или ответный укус: гюрза его со света сживет. Впрочем, ей льстят подобные эпитеты: кобра, акула, гюрза. Это значит, что она внушительная дамка, а не рядовая пешка, коей не имеет права быть женщина, занимающаяся политикой даже в крохотном провинциальном городке.

– Ты видела, как Цинков себя вел? – спросил Ежов, сжав скулы.

– Еще бы! – Она хищно сузила и без того узкие глазки, а на ее круглых щечках заиграл румянец негодования. – Ты не знаешь, что он еще и сказал при том.

– И что же?

– Когда я говорила тост, а он нагло в голос разговаривал с этой, из оркестра, как и на твоём поздравлении, скрипачка ему сказала: «Юра, нельзя же так неучтиво относиться к людям». А он: «Где ты увидела людей? Вон те, что ли? – И в нашу сторону сделал кивок. – Это, – говорит, – не люди, а халявщики и вымогатели. Я их не приглашал».

– Кто передал?

– Да так, один из «шестерок». Он рядышком стоял, все слышал.

– М-да, опустил ниже плинтуса, говнюк. Вот тебе и демократия, скрещенная с капитализмом. Нас уже в грош не ставят. Я ему устрою!

– Ничего ты с ним не сделаешь, – с неудовольствием буркнула Зина. – Мы Цинкова упустили. Теперь у него деньги, а они делают человека независимым, к глубокому нашему прискорбию. Как меняются люди! Еще недавно был хотя бы почтительным.

– Скрипачка – его любовница?

– Однокашница.

– Я уж подумал, у него плохой вкус. Начнем с нее. Она, кажется, на двух работах ишачит?

– Да. В оркестре и в музыкальной школе.

– Значит, пока ей хватит школы. А там и он где-нибудь маху даст.

Длинный и ровный отрезок пути тянулся вдоль зарослей с одной стороны и железнодорожного полотна – с другой. Фары осветили пешехода, сощурившего глаза от яркого света и уступившего дорогу автомобилю. Ежов, проехав мимо, вдруг затормозил и сдал назад на несколько метров. Машина резко остановилась, Валентин Захарович выключил свет, нервно взглядываясь в темень.

– Что с тобой? – удивилась Зина.

Ежов, не говоря ни слова, выскочил из машины, нервно огляделся, но подозрительный тип, привлечший его внимание, пропал, будто его и не было. Вернувшись в машину, Ежов некоторое время сидел в напряжении. Можно было подумать, вспоминал, заперт его сейф или нет.

– Что тебя так беспокоило? – спросила Зина.

– Померещилось, – тронул он авто с места, очнувшись. – Привидится же такое...

В доме, куда они приехали, было сыро и прохладно. Весна хоть и выдалась ранняя, но несколько дней назад значительно похолодало. Ежов, растапливая камин, бросил Зине свернутую газету:

– Прочти. Кстати, что пить будешь, шампанское или коньяк?

– Шампанское я пью на работе, а обычно... ты же знаешь.

Он выпил рюмку, а Зина тянула маленькими глотками, просматривая заголовки. У всех слуг народа в данном городе – особые пристрастия к выбору напитков. Ежов пьет исключительно дорогой коньяк, и, если ему предложить дешевенькое пойло, он оскорбится на всю оставшуюся жизнь. Мэр глушит виски, естественно, не из дешевых сортов. Хрусталеv пьет все, что нальют, – на халяву и уксус сладкий. Зиночка выбирает спиртное по ситуации: на работе – шампанское, с любовником – коньяк для подогрева страстей, а дома – только вино, и только изысканное.

– Статья называется «ЖЕНА НЕ СТЕНА», – подсказал Ежов.

– Угу, нашла. – Зина удобно устроилась в кресле, закинув ногу на ногу, отхлебнула коньяку, начала читать вслух: – «Мне долго пришлось уламывать жену второго лица в городе N, чтобы получить интервью. Несколько месяцев осады увенчались успехом. И вот в девять вечера я очутилась у бара «Корсар», где жались друг к другу “мерсы” и “тойоты”, заказала кофе и токай. Ждала час. Я, признаться, думала, что снова меня обманули, но тут у входа остановилась роскошная иномарка. Из нее вышла и вплыла в зал уверенная в себе женщина, широкомасштабная, как сама матушка-Россия. Когда она, пробежав глазами по залу, уверенно направилась ко мне, я еще раз поразилась ее размерам. О, что это за женщина! Этакое ожившее творение Зураба Церетели лет сорока – сорока пяти». Точно подмечено, Аля будет в бешенстве, – прокомментировала Зина.

– Я тоже в нем. Пропусти лабуду, найди Алькины ответы.

– Мне все интересно, – отмахнулась Зиночка. – «После получасового трепа о моде и погоде настал черед поговорить... Ну о чем могут трепаться две подвыпившие женщины? Разу-

меется, «про это». Аля обнаружила завидное знание предмета: такая поза продлевает оргазм, а в этой партнеру будет лучший обзор, оральный секс тормозится у нее на платофазе, Фрейд – старый дурак, а все мужики – козлы...»

– Начни с интервью, – настойчиво и зло сказал Ежов, подбрасывая дрова в топку.

– Как скажешь. «Журналистка: – Мы договорились, что вы будете откровенны. Наш уговор в силе? – Да, если у вас хватит духу напечатать. – Хватит. О вашей семье ничего не известно. Нашим читателям хотелось бы знать, кто вы, чем занимаетесь. – Я не домохозяйка, еще чего! Люблю повеселиться в компаниях, выпить, вкусно поесть, люблю дорогие вещи и драгоценности. – А с мужем как у вас складываются отношения? – Он мне не мешает. – Вы, может, не знаете, но его не жалуют горожане. Говорят, был инцидент, когда его избили пенсионеры, а однажды он обнаружил бомбу в автомобиле. – Ха! Я думаю, сам и подложил себе бомбу. Так сказать, значимость свою повышал: мол, на меня покушались, я борюсь с мафией, дайте охрану. Он обожает шумиху, опять же – слава на всю область. А пенсионеры... Я бы тоже в морду дала, если бы мои деньги пускали на другие нужды. Да и разве это называется «избили»? Всего-то воротник рубашки оторвали. Так что слухи преувеличены. – Скажите, вы не боитесь, что ваш муж рассердится, прочитав интервью? На Западе такие высказывания являются поводом к разводу. – Да пусть попробует развестись! Нет, если уйдет по-благородному – в одних туфлях, костюме и носках, то пусть катится. Но он не уйдет. Да, было такое, вздумал однажды подать на развод. Когда он по девкам таскался напропалую, я ни о каких разводах речи не вела, но, узнав, что собственными рогами задевает высоковольтные линии, – взбесился! Хорошо, говорю, развод так развод. Но как будем делить дивиденды с моего учредительства? Ему ведь нельзя иметь предприятия, все-таки госслужащий, так что во всех его конторах учредитель я. Вот тут-то с него вся спесь и слетела! Бабки он любит больше, чем честь. Так что он у меня загремит под фанфары, если захочу. Он же не живет, а борется. Зажатый, всех подозревает, отлавливает интриганов. Разве ж это жизнь? А я наслаждаюсь каждым часом на его же денежки. – А такой щепетильный вопрос: как вы относитесь к слухам, что у него есть любовницы? – Цивилизованно. Пусть убедится, что лучше меня нет. Я тоже ищу доказательства на стороне, что он у меня еще кое-что может. – И Алевтина стала пересказывать пикантные подробности из своей сексуальной жизни, но когда дошла до друзей мужа – партнеров по сексу, мне стало противно...»

Зиночка брезгливо отбросила газету, выпила коньяк и с сочувствием посмотрела на Ежова. Тот не проронил ни звука, только швырял дрова в топку.

– Слушай, Валентин, она что, совсем осатанела? Вот ведь идиотка!

Ежов в сердцах плюнул.

– Да как она посмела? С чего вдруг решила выставить собственного мужа на всеобщее посмешище? – негодовала Зиночка, вновь схватив газету и еще раз вчитываясь в ответы Алевтины.

– Кто-то накапал, что мы с тобой отдыхали в Тунисе, вот и отомстила.

– Интересно, кто эта сволочь? А что ты собираешься делать?

– Сначала журналистку выловлю, она у меня танец маленьких лебедей сбавляет.

– Бесполезно. Это же не у нас в городе напечатали. Здесь бы не посмели. Да и журналистка... Кимрова... Странная фамилия, наверняка это псевдоним. А редакция имя автора не откроет, областные газеты на нас вообще не реагируют.

– Может, на газету в суд подать? Выступлю с открытым письмом в прессе, предъявлю счет газетенке. В конце концов, у нас сейчас каждый имеет право защищать честь в суде. А раз я иду в открытую, значит, все это липа.

– Нет, такой вариант не годится – в газете не названы фамилии. «Кто сказал, Валентин Захарович, что статья написана про ваши семейные дрязги? Это ваши проблемы, что увидели в ней себя, а имели в виду совсем другого человека». Именно так будет отвечать в суде редакция.

И ты не берешь в расчет Альку. Раз она открыто выступила в прессе, значит, в суде может дать показания на стороне газеты. Устроит скандал, каких свет не видел. Так ты потом долго не отмоешься.

– Задала задачку, сука! Ладно, она у меня тоже попляшет.

Во время этого диалога они машинально разделись – в конце концов, приехали-то сюда ради секса, так чего ж время терять. В момент активных телодвижений снаружи раздался звук мотора, затем тормозов.

– Кто-то подъехал, – насторожилась Зина, дыша как паровая машина.

Валентин с большой неохотой отлепился от Зиной, подошел к окну и сначала остолбенел, а затем зашептал истерично:

– Алька! Выследила... Одевайся, быстро!

– Только не засовывай меня в шкаф, – начала лихорадочно натягивать на себя вещи

Зина. – Это пошло. Чего сам-то стоишь?! Оденься!

– Тихо, – шикнул Валентин. Снаружи взревел мотор, звук постепенно удалился. – Уехала. Пронесло. Ничего не пойму, почему уехала?

Всклопоченная, кое-как одетая Зина рухнула в кресло, прикрыла ладонью глаза. Алька – черт с ней, давно знает про шашни Валентина. А вот ее собственный муж о похождениях жены ни сном ни духом, и ей вовсе не нужен скандал. У Зиной образцовая семья, она сумела создать в доме атмосферу взаимопонимания и разрушать домашний очаг не имела намерений. Отношениям с Ежовым год, но это же совсем другое. Дом есть дом, а работа работой. С Ежовым очень просто и легко, каждый знает, что их связь больше походит на неотъемлемую часть рабочего регламента. Алевтина пока их ни разу не застучала, ограничивалась ехидными намеками, но когда застучает... О! Эта дама церемониться не будет. Алька – айсберг, поперет тараном, как танк, плевать ей будет на пересуды. Потопит на раз и мужа, и ее, Зину.

Тем временем Валентин заговорил странно – сдавленно и надрывно:

– Зина... Зина...

Она бросила взгляд в его сторону. Ежов выглядел несколько несуразно: подавшись нагим телом вперед, приковался расширенными глазами к окну, нижняя челюсть его безвольно отвисла. Зина окликнула Валентина – тот даже не шелкнулся. Заинтригованная Зиной приблизилась к партнеру, приподнялась на цыпочки, выглядывая из-за плеча Ежова и со страхом предполагая, что Алевтина не уехала, а значит, столкновение с айсбергом – так Зина за глаза звала Алевтину – неминуемо. В первый момент чуть не взлетела от радости к потолку, ибо вместо Альки напротив дома стоял мужчина. Но во второй момент, когда присмотрелась к нему и узнала, мороз пробежал по спине и рукам. Под фонарем стоял призрак, глядя прямо на их окно!

– Я схожу с ума? – выговорил Ежов, едва шевеля пересохшими губами.

– С ума сходят поодиночке, а не вдвоем, – глухо отозвалась она.

– И ты его видишь?!

Призрак отступил в тень...

3

Во вторник, десятого мая, на координационном совете присутствовали не все. Если учесть, что начальство никогда не опаздывает, а только задерживается, то задержку мэра и одновременно главы администрации Николая Ефремовича Сабельникова на сорок минут инцидентом можно было не считать. В течение сорока минут Ежов сидел в президиуме при полной тишине, не поднимал глаз от лежавшего на столе перед ним чистого листа бумаги, скрывая досаду на мэра. Сорок минут ждали в конференц-зале те, кто должен дать любимому городу деньги. Но вот Сабельников с озабоченным видом ворвался в зал, прошествовал в пре-

зидиум, распространяя вокруг себя амбре перегара. Ежов медленно втянул через нос воздух и, загоня раздражение поглубже внутрь, поднял черные и колючие глаза, затем тихо спросил:

– Кажется, все?

Хрусталеv так и не пришел, а на повестке дня, между прочим, его отчет о подготовке к встрече голландцев, приезд которых на носу. Зачем едут сюда голландцы, никто не знает. Но Сабельников, Ежов и Хрусталеv проявляют к делегации повышенный интерес, значит – понятно всем остальным, – хотя с них поиметь. Банкир Цинков тоже не соизволил почтить присутствием координационный совет, прислал заместителя, а заместитель ничего не решает. В поступке банкира откровенно читается наплевательское отношение к трудностям города. Да, да, да! Ежов намерен просить у него денег, несмотря на воскресное хамство Цинкова. Подумаешь, халявщиками и вымогателями назвал! Как обычно, проблемы наслаиваются одна на другую, посему требовать денег не зазорно, что бы ни говорил по этому поводу Цинков.

Ежов скользнул взглядом по залу, запоминая, кто еще посмел не явиться. Однако нашел, что у остальных приглашенных дисциплина армейская. На совет явились: газетная «шестерка» Медведкин, успешно выживавший при всех городских правителях и по-прежнему освещающий в прессе работу администрации; члены городской думы, крупные предприниматели, обязанные своим обогащением нынешним отцам города; Фоменко – директор завода и глава собственного банка. Последний так просто должен отстегнуть в казну, ибо состояние нажил при помощи Ежова и Сабельникова. Целый год пользовались бюджетными деньгами, зарплаты перечисляли в банк Фоменко, а тот дальше отдавал в госбанки под проценты на три и шесть месяцев. Проценты с суммы набегали астрономические, и, разумеется, пошли они не на нужды города. Вот тогда-то и взбунтовались пенсионеры, пытались «набить лицо» Ежову как министру финансов. А учителя и прочие бюджетники, в отличие от них, молча лапу сосали, ибо нет в них пролетарского самосознания, ну, и слава богу. Можно было бы продолжать в том же духе пользоваться бюджет, но президент запретил подобные манипуляции специальным указом. Однако неисповедимы пути административного служащего – он всегда отыщет лазейку к обогащению. К слову сказать, когда Ежов слышит: «воруют, воруют», его от бешенства чуть кондрашка не хватает: да разве найдется хоть один чиновник, который, сидя на казне, способен удержать ручки в карманах? Нет, уверен он, не найдется. Крикуны потому и визжат от злобы, что не имеют возможности брать, но пусти их на его место... ого-го что будет!

Ежов сделал доклад. В скупых цифрах обрисовал положение: к счастью, майские праздники миновали, пора браться за дело; грядет лето, грядет и дефицит питьевой воды. Слухи в городе ходят, что воду Ежов продает на поля корейцам, которые выращивают овощи, но это же ничем не подтвержденные слухи, они не достойны внимания. На деле все выглядит прозаично, воду крадут сами граждане, льют на свои огороды в летнее время – просто заливают их! – вот воды и не хватает. Наступило время обязать граждан купить счетчики, и уже завезена первая партия таких счетчиков, в магазине Ежова их можно свободно купить. Далее: предстоит замена канализационных труб, ремонт дорог и трамвайных путей, три пятиэтажных дома треснули, традиционный праздник для горожан необходимо сделать не хуже, чем в прошлые годы, а тут иностранцы приезжают и выборы скоро. Короче, всюду деньги, господа, – вот каким был лейтмотив его доклада. А давать их почему-то ни у кого нет желания. И Ежов строго хмурился, поглядывая исподлобья на жмотов. Вообще-то они пообещали изыскать средства. Но пообещали с неохотой, оставив за собой место для отступления: дескать, мы-то со всей душой, да где ж их взять... последнее отдадим любимому городу, если только найдем. Это называется дипломатия местного масштаба, которая выглядит примерно так: дай – не дам, дай – не дам, дай – да на, подавись! Ежов, хорошо усвоивший эти маневры, намеревался измором взять, но вырвать деньги, на то он и городской министр финансов.

Совет длился четыре часа. Неважно, что большую часть времени толкли воду в ступе, – время-то рабочее, пусть себе летит. Так наступил святой час обеда. Сабельников, забрав

бутылку минеральной воды со стола, отправился в свой отсек, а Ежов пожелал выпить кофе в личном отсеке. Его догнал Фоменко:

- Погоди, Валентин Захарович, дело есть.
- Ко мне только по делу и идут, – буркнул Ежов, не останавливаясь.

В просторном кабинете – минимум мебели: рабочий стол, длинный стол для совещаний, глубокие мягкие кресла у стен, шкаф для верхней одежды, три картины с местными достопримечательностями, означавшие любовь министра финансов к родному городу. Фоменко под домашнему расположился в кресле, Ежов – на «троне», давно ставшем ему тесным. Тесным, разумеется, в переносном смысле. Трон мэра манит Валентина Захаровича, пересесть в него стало его идеей фикс.

Фоменко пятьдесят, а выглядит лет на пятнадцать старше. Он располнел и обрюзг, лысый, словно попал под радиационный дождь, уголки губ вечно опущены вниз, будто чем-то недоволен, а в глазах тоскливое равнодушие.

Секретарь принесла им по чашке кофе с коньяком, получила приказ никого не пускать. Шумно, с причмокиванием отхлебнув кофе, Фоменко вытер платком мясистый нос и спросил:

- На завтра хватит ящика шампанского и ящика коньяка?
- Должно быть, – пожал плечами Ежов. – Будут лишь свои...

«Свои», когда среди «своих», пьют так, что хоть всех святых выноси. Уловив намек Ежова на исключительно элитарное общество, Фоменко сказал:

- Тогда по полтора ящика привезут... Куда, ты говорил?
- В музей. Решено банкет там провести.
- Девочки будут?

– Все по расписанию, – хихикнул Ежов, крутясь в кресле и глядя в упор на банкира. А тот недоговаривал. Коньяк и шампанское – прелюдия к чему-то более важному, ведь он, Фоменко, прекрасно знает аппетиты Ежова. Тогда Валентин Захарович спросил: – Еще что-нибудь?

- Да знаешь, Валентин... – замялся тот. – Смеяться не будешь?
- Я к смеху не расположен.

– Тут вот какой забавный номер... Три дня мне звонят на работу и домой. Причем, когда берет трубку секретарша или жена, просят меня, а когда подхожу сам – ни звука. Это не все. Вчера я получил фотографию, а на ней... взгляни сам.

Фоменко поднял грузное тело с кресла, подошел к Ежову и протянул фотографию, запечатлевшую Фоменко в обнимку с Кимом Рошиным – мир праху его. На обратной стороне надпись: «За тобой должок». Вопреки ожиданиям Ежов не расхохотался, а еще больше насупился, постукивая ребром фотографии по столу.

- Как тебе шутка? – спросил Фоменко.

– Дурацкая, – отбросил в сторону фотографию Ежов. Не мог же он сказать, что в воскресенье два раза собственными глазами видел Рошина. Он с удовольствием списал бы сей факт на большое воображение, на мистику и чертовщину, но Рошина видела и Зина Туркина, после чего секс они с ней отложили и до утра строили догадки, что это могло быть. – Не обращай внимания.

- Да, конечно, глупо... Но... понимаешь, почерк его.
- Кого? – вытянулось лицо у Ежова.
- Рошина. Да-да, Кима. Я его почерк хорошо знаю.

– Это уже совсем не смешно. Интересно, кто у нас такой шутник? – В волнении Ежов прошелся по кабинету, задержался у окна. Минуту спустя его осенило: – А знаешь, что тебе надо сделать? Отнеси фотографию Куликовскому, пусть сделают экспертизу. Снимут отпечатки, установят, когда сделана надпись на фотографии... У тебя образцы почерка Рошина есть?

- Поищу, должны быть.

– Заодно пусть сличат и почерк, который легко подделать. Скажи, что я лично просил об этом, причем срочно. О результатах мне позвонишь или завтра на банкете расскажешь. Ничего, мы шутника-то кастрируем...

Когда Фоменко ушел, Валентин Захарович приказал секретарю никого к нему не впускать – мол, занят. Сам же долго думал о странном явлении. Позавчера в загородном своем доме он по-настоящему струхнул. Но кто бы не струхнул, увидев призрак, да еще ночью? Ежов не верит в потусторонние силы, а в воскресенье прямо-таки поверил. Неужели есть нечто за пределами жизни? Вчера на праздновании Дня Победы только об этом и думал. Зина, на что трезвый человек, однако и ей не по себе стало. Правда, она предупредила:

– Ты об этом никому не рассказывай – на смех поднимут.

Он согласился, а сегодня утром пришел к выводу, что воскресный призрак – двойник Рощина. В самом деле, не может же покойник подняться из могилы! Так не бывает. Значит, двойник. Что же ему нужно?

4

А Матвей Фомич Хрусталеv преbывал в жуткой панике. Он лихорадочно искал гадалку или колдунью, которая объяснила бы ему необъяснимое. Очнулся он в понедельник утром на даче, из деревни доносились крики петухов, телевизор работал. Матвей Фомич лежал на полу, замерз. Штаны почему-то были мокрые, а так недолго и простатит заработать. Он поднялся и задумался: почему это он на полу в мокрых штанах? Вдруг его ударило: мертвец! Вспомнил вчерашний вечер, то, что привиделось, и что грохнулся в обморок. Сжимаясь от ужаса, Хрусталеv дождался рассвета и при первых лучах солнца – днем ведь покойники не разгуливают! – махнул в город на личном транспорте, забыв даже переменить штаны. У жены потребовал адреса местных ворожей, не объяснив, зачем они ему вдруг понадобились.

День целый он провел за чтением литературы о потустороннем мире, которую приобрел в магазинах в количестве тридцати брошюр, и в беготне по знакомым, имеющим опыт общения с колдунами. К ночи жена, обзвонив подруг, добыла пару адресов. Едва дождался Матвей Фомич утра вторника. О работе не могло идти речи – он позвонил в администрацию и сообщил, что приболел, а сам помчался наугад. Но колдунья отбыла на какой-то семинар ведьм, зато вторая оказалась, на счастье, дома. Его встретила моложавая бабенка крупных размеров, обвешанная золотыми цепями, с волосами, выкрашенными в сиреневый цвет, и с румяными щеками. Наверное, не пьет и не курит – позавидовал Хрусталеv. Она ввела его в комнату, в которой на вертикальных и горизонтальных поверхностях в хаотичном сочетании красовалось множество икон, а также стеклянные шары, кристаллы, кресты, чаши, канделябры и прочие предметы неизвестного ему назначения. Хозяйка дома показала диплом, в котором значилось, что такая-то и такая-то прошла курс оккультных наук и посвящена в таинства белой и черной магии. Впечатлило.

Магистр магии предупредила:

– Только вы мне все как на духу выкладываете, иначе не помогу.

– Вчера я видел... вы, может, не поверите... умершего! – произнес с трудом ставший в одночасье суеверным Хрусталеv. Раньше он рассказывал о привидениях не очень доверял, разве что в приметы верил, сны разгадывать любил да гороскоп просматривал.

– Отчего ж не поверю? – не удивилась колдунья. – Такое часто происходит. Астральный и наш мир находятся в соприкосновении, иногда появляется брешь, и мы видим то, чего не должны видеть. И что призрак? Как он выглядел, что говорил?

– Он был такой, как я и вы, – содрогался от воспоминаний Хрусталеv. – Стоял за кустом... на даче... потом шел ко мне...

– Вы раньше с ним встречались?

– Естественно. Мы хорошо были знакомы, он отсидел пять с половиной лет в тюрьме, вернулся, болел, потом умер. Я был на похоронах, и вдруг он стоит прямо передо мной... как живой... Представляете?

– М-да, – задумчиво протянула магистр оккультных наук. – Необходимо применить черную магию, а это опасно... для меня.

– Я заплачу сколько скажете, – догадался Хрусталева.

– Хорошо. Идите сюда.

Колдунья поставила стул на середине комнаты, куда и сел Хрусталева, начертила круг мелом, какие-то знаки нарисовала, зажгла свечи и поставила их на пол.

– Это алхимические знаки, они помогут приблизиться к астральному миру. Для начала я проверю вас. – Она начала махать руками вокруг Хрусталева, трясла ими, шумно выдыхала воздух через рот, наконец изрекла: – Аура багровая и имеет пробоины.

– Что это значит? – озадачился Хрусталева.

– Это значит, что на вас печать смерти, – огорошила колдунья.

– Я умру?.. – содрогнулся он и покрылся липким потом.

– Необязательно. Но можете долго и тяжело болеть, что приведет...

Он похолодел, ясно же: приведет к смерти. А уходить в астральный мир, хоть там и существует жизнь, совсем не хотелось.

Тем временем колдунья взяла пучок свечей.

– Это свечи со святой земли, сами понимаете, стоят дорого...

– Заплачу, заплачу! – заверил Хрусталева.

– Их сорок. Будете сжигать по одной в день, потом придете ко мне. – Она подожгла все свечи в пучке, поводила ими вокруг Хрусталева, загасила и отдала ему. – Ваша аура пока не изменится. За восстановление я возьмусь только по прошествии сорока дней. Начнете жечь свечи, ваш призрак перестанет приходить. И возьмите оберег, всегда носите его на груди, не снимая.

Когда она назвала сумму, у Хрусталева аж тошнота подкатила – уж очень много колдунья запросила. Да делать нечего, аура и покой дороже. Дома он сразу же зажег одну свечу и смотрел на нее с надеждой, пока та не погасла.

5

Вечером супруга Ежова Алевтина возлежала на диване перед телевизором, нарисовала ногти, и помахивала в воздухе толстенькими пальчиками, чтобы быстрее высушить лак.

Ежов сразу определил: прибыла от мамочки с новыми силами кровь пить у мужа. А была ли она у мамульки? Кто же тогда подъезжал к загородному дому? Впрочем, теща обитает недалеко от города в деревне, оттуда полчаса езды до него. У, теща и жена – одна сатана! Сколько раз он мечтал, чтобы супруга куда-нибудь делась. Насовсем. Ну хоть куда-нибудь и обязательно вместе с тещей. Других вон инопланетяне забирают, а эти никому не нужны! И подумалось Ежову, что ни одна ракета или летающая тарелка веса такого не выдержит, упадет на взлете. Аля, действительно, женщина объемистая. Пожалуй, даже слишком объемистая. Но ее это не колышет, и посему она не изнуряет себя диетами, а стоит на позиции: сколько нам той жизни, чтобы отказываться от удовольствий! Некрасивая? Ну и что... Зато денег полно. Она прямолинейна, смутить ее не удавалось еще никому, с крутым нравом. Ежов ее побаивается, только виду не подает. Но всему есть предел!

Он бросил к ее ногам пачку газет, затем, не говоря ни слова, вернулся к машине, достал еще пачку, перевязанную шпагатом. И эта полетела к ногам супруги. Снова ушел, вернулся, и еще одна пачка шмякнулась об пол. Но жена оставалась спокойной до безобразия!

– Это тебе задницу подтирать! – зло выпалил Ежов.

– В газетах свинца много, для моей нежной задницы они не подходят, – промурлыкала Аля. Двумя пальчиками осторожно – лак еще не высох – она вытащила из пачки один номер, так же осторожно перелистала, пробежав его глазами, нашла свое интервью и рассмеялась: – Гляди-ка, все напечатали. А зачем тебе так много? Ах, ну да, хочешь оклеить квартиру.

– Да! – гаркнул Ежов. – Чтобы ты каждый день помнила, глядя на газеты, какая ты дура! Я купил тираж, который в город пришел. Но не могу гарантировать, что те, кто по моей просьбе скупал по киоскам газеты, будут держать язык за зубами. Я потратил деньги на твой словесный понос, выбросил их на ветер!

– Ничего, наворуешь еще, в казне всегда есть бабки. И предприятия у тебя неубыточные – кстати, с моей помощью, – томно проговорила Аля, принимая позу одалиски.

– Ты!.. Вообще!.. – взбеленился Валентин Захарович. – Ты соображаешь, что делаешь? Выставила нас на посмешище!

– А ко мне еще из одного журнала обращались, – как бы между прочим сказала Аля. – Обещали портрет мой напечатать на обложке...

Ежов от наглости жены остолбенел. Ничем супругу не пронять. Был бы у него автомат, с радостью выпустил бы в нее всю обойму...

– Ты сначала на рожу паранджу надень, а потом фотографируйся! Я тебя в дурдом сдам, – пригрозил пальцем Ежов в запале. – Такое вывалить могла лишь полная идиотка. Это интервью – доказательство, что у тебя мозги рассохлись...

Он не договорил, ибо Аля подняла свой мощный стан и, не желая больше слушать от мужа угрозы, замахнулась. Поскольку ее никто не учил культурным ударам – апперкот, хук... – врезала напрямую кулаком, без правил, по-рабочекрестьянски. Имея по сравнению с женой не крупное тело, Ежов, сраженный ударом, взмахнул руками, совершил полет назад и очутился на полу у стены. Он скривился, будто съел кислятину, так как ощутил во рту адскую боль. И почему-то у него стала обильно выделяться слюна, точь-в-точь как от оскомины. Аля приблизилась и, уперев руки в бока, с превосходством сильного над слабым отчеканила:

– Ах, рожа тебе моя не нравится... На свою посмотри! Еще раз услышу про дурдом, размажу тебя тонким слоем по стенке, понял? И твою суку белодомовскую размажу и тоже тонким слоем. Что, вчера на даче звезды с ней считал? Ты жену удовлетворить не можешь своим крючком, так неужели думаешь, он ей по кайфу? Это ты идиот, а не я. Ты ей нужен для карьеры, олух, и по Тунисам разъезжать. Пусть спасибо скажет, что ее мужу не настучала. Ну да, это удовольствие у меня еще впереди. Вчера звонят мне на мобильный, сообщают: «Ваш муж с Туркиной поехал в загородный дом!» Я еду, в доме иллюминация, все ясно. Скажи спасибо, что не зашла, удержали меня, иначе ты ни свою рожу, ни рожу Зинки не узнал бы сегодня. Так вот, учти: в другой раз размажу! Тонким слоем!

Она замолчала, глядя на мужа, невнятно мычавшего. Поняв, что немного переборщила, Алевтина присела на корточки перед ним:

– Ой, Валек, я тебе что, челюсть свернула? Прости, не рассчитала. Давай с другой стороны стукну? Не надо? Хорошо, не буду. Ну иди ко мне, – насильно она притянула его к себе. – Беденький, предупредила же, не спорь со мной. Видишь, как вышло? Ничего, пройдет.

Аля гладила мужа по волосам нежно, прижав его к своей большой, выпуклой груди. Все же жалко его, он такой хлипкий. А Валентин Захарович вспоминал, кто из знакомых работает в сети «Билайн». Если звонок сделан с мобильного, тогда можно узнать стукача по фамилии и оплатить ему за стукачество. Жестоко оплатить, страшно.

6

Среда, одиннадцатое мая, вечер. Арнольд Арнольдович Медведкин, маленький и кругленький человек, допоздна просматривал гранки завтрашней газеты. Ничего не допустить

лишнего, хотя бы намек, который можно превратно истолковать, неправильно понять. Главное, чтобы наверху остались довольны. Ему пятьдесят восемь. Пережил и без того немало унижений, а мечтающих занять место главного редактора много, причем людей непрофессиональных, безграмотных. Но нынче на всех уровнях руководящие места в городе заняли некомпетентные люди. Взять местный театр – да Арнольд Арнольдович после просмотра спектаклей тухлые яйца готов бросать на сцену, а приходится печатать хвалебные оды. Потому что место директора занимает карга, ничего в искусстве не понимающая, зато выкормыш белого дома. Нынешний ведущий актер – ее любовник, моложе ее лет на тридцать, бездарь... Ну и что делать? Говорят, через театр она отмывает деньги, так что ее не уберут. А Медведкина сметут, стоит ей только захотеть. До пенсии всего ничего, стало быть, держите статейку-панегирик о новой премьере. Хоть не сам ее катал – и то ладно.

Вроде бы все в норме. На первой полосе... какая там полоса! Так, полосочка, сорок пять сантиметров в длину и всего тридцать сантиметров в ширину. Вот раньше выпускали газету... разворачиваешь – и рук не хватало. Но то было да прошло. Нынче же выпускается четыре раза в неделю газетенка из двух полосочек и один раз в неделю из шести. Завтра выйдет из шести, можно сказать, толстуха.

Итак, на первой полосочке дана большая фотография с изображением мэра, Ежова и гюрзы Туркиной крупным планом. Это хорошо, бросается в глаза, они будут довольны. На первой же полосе статья о проблемах молодежи, подробно пересказаны мысли Сабельникова. Нет, мыслями это не назовешь, так, поток сознания в коматозном состоянии. Мэр последнее время взял ориентир на молодежь, заигрывает бессовестно. Вторая полоса посвящена Сабельникову, его делам за первую декаду мая. Третья посвящена Сабельникову и Ежову – их планам на вторую декаду. Пожалуй, второй обидится за то, что мало написано о нем. «Зато какая фотография! – успокоился Медведкин. – Портрет достоин звезды Голливуда. Только наш Ежик напрочь лишен обаяния. На такую злую рожу харкнуть хочется, а не на стенку портрет повесить». Четвертая полоса посвящена... все время Сабельникову, но и Ежову с Туркиной выделено по статейке! Арнольд Арнольдович сморщился – надоело осанну петь. Ага! Координационному совету подвальчик выделили на пятой. Ну а дальше всякая ерунда про городские дела, потом реклама и еще раз реклама. На всякий случай – уж который раз – пробежал глазами информацию о совете. Стоп, стоп! Вызвал ответственного за выпуск, угрюмо приказал:

– Смотри: «Ежов слишком категоричен в своих требованиях...» Убери.

– Да вы дальше читайте, – возмутился редактор, проторчавший допоздна вместе с шефом, мечтавший отправиться к жене и котлетам еще три часа назад, и прочел вслух: – «Ежов слишком категоричен в своих требованиях, но его можно понять – бюджет трещит по швам...» Что здесь криминального?

– Первую половину фразы убрать, – устало произнес Медведкин, ему тоже хотелось котлет и граммов сто водочки. – Не знаешь Ежова? Его только по шерсти можно гладить.

– И что получится? Цитирую: «Его можно понять – бюджет трещит по швам, Ежов вынужден прикинуться бедным родственником и попрошайничать». Вот теперь фразу наш Ежик воспримет как оскорбление. «Категоричен в требованиях» ему больше понравится, чем просто «попрошайка».

– Тогда долой всю фразу, – спрятал взгляд Медведкин и насупился, ведь редактор сто раз прав, но... есть обстоятельства.

– Полная абракадабра получится дальше, – занервничал тот.

– Да кто в смысл вчитывается? Лишь бы в статье ничего не было скользкого, двойного. И запомни: никаких эпитетов, сравнений, метафор рядом с означенной фамилией. – Внутренний монолог не высказал вслух: «Мне два года до пенсии, а Ежов намерен возглавить администрацию. Они пинают под зад даже тех, кому год до пенсии, полгода, и плюют на законы». Затем устало пробормотал: – Я все сказал. Иди и убери.

Выйдя из редакции – а располагается она на тихой улочке, по которой в вечернюю пору делают променады проститутки да изредка автомобили ездят в поисках жриц любви, – Медведкин глубоко вдохнул свежего воздуха, в котором угадывалось приближение дождя, и снова про себя посетовал на положение в газете. Статьи писать некому, профессионалы разбрелись кто куда. Молодые люди, называющие себя журналистами, в основной своей массе без специального образования, но спеси у них по вагону на каждого. Профессиональная терминология сегодня все равно что нецензурщина или иностранный язык. Да, мельчают люди, общество, средства массовой информации. А чего ему стоит, каких сил держать газету на удобоваримом уровне? Сам пишет, правит, редактирует... один за всех... а все на одного! Но тут же Арнольд Арнольдович напомнил о собственной щепетильности: два года, всего два года. Однако невыносимо!

Тут его внимание привлек мужчина на противоположной стороне улицы. Не заметить его было нельзя – улица пуста, мужчина один. Внезапно нервы дернулись как от тока.

– Ким? Ким!

Мужчина, очевидно, услышал восклицание Медведкина, криво усмехнулся и двинулся неторопливо вдоль по улице. Опешивший Арнольд Арнольдович устремился за ним:

– Ким! Подожди! Ким, это ты?

Но Ким или человек, очень похожий на Кима, не оборачиваясь, ускорил шаг и свернул в переулок. За ним и Медведкин, но в растерянности остановился, оглядываясь по сторонам. Человек пропал! Скрылся во дворе? Арнольд Арнольдович, совсем не думая, а подчиняясь неизвестной силе, толкавшей вперед, почти на ощупь передвигался по запущенному дворику, похожему на итальянский, где лестницы и балконы оплетают стены вкруговую до самого верха. Из раскрытых окон неслись голоса, звуки работающих телевизоров. Медведкин искал глазами того, кто должен быть где-то здесь, повторяя вслух:

– Ким... где ты? Это ты... Ким?..

– Я, – услышал Арнольд Арнольдович за спиной очень отчетливо и близко и обернулся. В метре от него стоял Ким Рощин. Такой же, как при жизни. Почему как? Это живой Ким. Живой?! Только сейчас до Медведкина дошло, что Ким не может быть живым. Тогда кто перед ним?

– Это я, – сказал Ким или бес знает кто, шагнув к нему.

Он остановился совсем близко. Арнольд Арнольдович рассмотрел родимое пятно размером с копейку чуть ниже виска Рощина, две характерные морщины у губ, появившиеся достаточно рано, седые пряди, хотя Киму всего-то сорок пять лет... было. Или есть? Нет, он жив, ноздри раздувались, втягивая воздух, он дышал.

– Не может... быть... – выдавил потрясенно Медведкин.

– Может, – сказал Ким тихо.

И вдруг – пощечина! Это случилось так неожиданно. Медведкин пошатнулся, зажмурившись, его повело по инерции, так как пощечину Ким нанес от души. Сделав два шага в сторону, споткнулся и упал на доски, сваленные горой у стены. Больно. Больно так, что с минуту Арнольд Арнольдович сидел на досках неподвижно. Посщечина принесла не столько физическую боль, сколько душевную. Боль соединилась с обидой. Но не обида явилась причиной слез, выкатившихся из глаз, а личная вина, ожившая совесть. Из носа текла кровь. Медведкин утер ее рукавом пиджака, поднял глаза, чтобы сказать Киму: «Я давно этого ждал, еще до твоей смерти...» Кима след простыл. Арнольд Арнольдович выбежал на улицу – никого. Внезапно поднялся ветер. Он с силой гнул деревья, воздух наполнился озоном, сверкнула молния.

– Ким! – закричал Медведкин надрывно.

А в ответ – раскаты грома, и первые крупные капли тяжело застучали по асфальту. Ноги сами понесли его по улице. Он бежал довольно быстро для своих лет и комплекции, бежал и кричал, зовя того, с кем обошелся жестоко и подло давным-давно, так давно, что память

стерлась, и только изредка шевелилась совесть. Но совесть легко запихнуть на дно души... Хотя бы водкой. Легко ли? Нет, если честно. Не страх руководил Арнольдом Арнольдовичем, а желание получить одно: прощение. И все равно, у кого просить – у покойного или живого, – лишь бы услышать: «Прощаю, черт с тобой».

7

В музее банкет был в разгаре и даже в угаре. Директор музея, худая смуглая женщина с изможденным лицом узницы концлагеря, всем видом показывающая – меня здесь нет, сосредоточенно и ответственно подносила полные бутылки, забирая со столов пустые. Работники музея не расходились, сидели в маленькой комнате, где до того резали колбасы и сыр, – ждали окончания пира. Им предстояло убрать зал, помыть посуду, но было приказано: нос не высывать, а если кто что увидит «не того», глаза закрыть и забыть. Стащив бутылку шампанского у сильных города сего, выпили по глотку. Некоторые дремали. Кто-то злился, что вот, дескать, приходится в лакеях состоять, да делать нечего, любимая работа требует жертв. Кто-то даже высказался: мол, мы не лакеи даже, мы есть рабы, которым и зарплата установлена мизерная, как рабам, лишь бы не подошли. А унижение раба с высшим образованием – елей на душу чиновнику.

Тут гроза разыгралась. А время позднее, и домой не повезут... грустно, печально, но в наше время нормально, уговаривали молодых старшие коллеги. Взрывы хохота и звук разбившейся посуды разогнали дрему.

– Смерть тарелкам, – сонно констатировала одна женщина, научный сотрудник.

– Нам же лучше – меньше мыть, – вяло подхватила другая. – Лишь бы бокалы не разбили, они из фондов, на Олечке висят.

– Ой, девочки, – оживилась Олечка, – я весь вечер на иголках из-за этих бокалов. Завкультурой потребовала подать, а мне годовой зарплаты не хватит расплатиться.

– Кого твои проблемы волнуют? – сказала первая женщина. Услышав визг в зале, удобней устроилась на стуле, прислонив голову к стене. – О, пошли по столам скакать. Плакали твои бокалы. Зато, кажется, скоро мы приступим к обязанностям посудомоек. Кстати, я лично презервативы искать по углам больше не буду, меня прошлый раз вырвало. Давайте в порядке очередности, чтобы всем досталось.

Хранители старины не ошиблись, на стол взгромоздилась культура города. Правда, еще не утвержденная, а исполняющая обязанности и перевыполняющая их. Она не так давно встала в ряды верхушки, но уже успела попасть в анекдоты, которые, как известно, рождает сама жизнь. Одна из баек гласит. Пришел к ней заведующий литературной частью местного театра и говорит: «У нас скоро фестиваль, ожидаются иностранные гости. Необходимо создать банк данных и внести информацию в компьютер о театрах, которые покажут свои работы, чтобы мы могли предоставлять четкую информацию...» Культура города перебила: «Какой еще банк? Вон посмотрите за окно, напротив стоит банк “Русский кредит”. Так зачем вам еще один?» Театральный деятель потерял дар речи и ушел несолоно хлебавши. Ну не видит женщина разницы между финансовым банком и банком данных, зато она плясунья отличная. Кстати говоря, танцы к культуре ближе, чем банки. Между прочим, танцы на столах – это протест против оков застарелой морали. Пришел протест с первыми шагами капитализма, так сказать, родился на радостях, что рутинная формация сменилась прогрессивной. Бывали случаи, когда большие гости, прибывшие почти с другой планеты, то есть из Москвы, не одобряли подобных новшеств в административных кругах. Поэтому в самом белом доме на банкетах теперь не сидят, а стоят. Но радость невозможно удержать, она рвется наружу, особенно под воздействием спиртного. Радость – это когда душа поет, а тело пляшет. И высокие столы для фуршета тому не помеха.

К культуре города присоединилась массивная особа – торговля города, при внушительных параметрах подвижная как юла. Обе дамы вытанцовывали с лихостью папуасов, подпрыгивающих на раскаленных угольях, размахивали юбками, обнажая целлюлит на ляжках, и визжали. Посуда звякала в такт, словно живая. Присутствующие на банкете поддерживали плясуний, отбивая ритм на столах и стульях, а один товарищ, сидя на полу, бил по паркету туфлей. В полутемном зале мерцали огоньки свечей, было накурено, весело и шумно. И лишь дамы в бальных платьях и кавалеры в камзолах на старинных портретах выказывали недовольство со стен. Ведь их потревожили, а они любят покой.

Этот большой старинный особняк постоянно принимает гостей. Его залы, любовно украшенные сотрудниками, днем приветчают посетителей, которых, к сожалению, слишком мало, чтобы на средства от проданных билетов содержать музей, вечерами здесь можно послушать классическую музыку. Ну и богачи любят праздновать в одном из залов свои торжества. Музей – не ресторан, по всем санитарным и этическим нормам пить-есть здесь невозможно. Но раз люди потянулись к прекрасному, хотят посидеть среди предметов старины, соприкоснуться с ней, директор решила: пусть соприкасаются. Она и помощь оказывает: сотрудников заставляет обслуживать правящую верхушку да и сама лично выполняет обязанности официантки.

Ежов ел мало – челюсть не окрепла после удара жены, однако это не мешало ему отдыхать. На подобных банкетах, которые устраиваются в разных местах два-три раза в месяц для психологической разгрузки, он отдыхает во всех смыслах. В родном аквариуме, где всякая рыбка плавает в своем слое, ему легко.

Это особый мир, отдельный, ограниченный, узкий круг, где свято соблюдается иерархия. Попасть сюда практически невозможно. По служебной лестнице поднимаются с юных лет, постепенно завоевывая доверие тех, кто наверху. На это может уйти вся жизнь, а желаемого результата не достигнешь, тут уж как судьба соблаговолит. Присутствовать позволено далеко не всем, мелкие клерки не вхожи на подобные мероприятия... разве что молоденькие служащие, успевшие зарекомендовать себя и без особых моральных устоев. Круг позволяет все: отрывайся где хочешь, как хочешь и на чем хочешь. Но, как и везде, здесь не терпят предательства, за которое карают жестоко, ибо десница местной власти крепка и могуча. Так сложилось, что маленький город N стал отдельным анклавом. Он вроде подчиняется общему режиму, однако живет сам по себе, не имея ничего общего со страной.

Ежов несколько озадачен – Фоменко не пришел на банкет, а он любитель пирушек. Звонил домой: «Нет», – ответила жена. Фотография и двойник Рощина тревожили Валентина Захаровича. Зиночка согласилась: ночью в загородном доме они видели двойника. Только что это меняет? Кто он? Откуда взялся? Зачем здесь? Пока не ясно, а эти вопросы просто замутили. Но раз появился двойник, все обязательно выяснится. Его поймут... если только это человек.

Но вот и Фоменко вошел в зал. Отыскав глазами Ежова, поспешил напрямик к нему, попутно кивая на приветствия. Валентин Захарович обрадовался, понимая, что тот пришел с информацией. Они уединились в зале краеведения, где по углам расставлены каменные идола древних людей, которые откопали недалеко от города. Фоменко вытер потную лысину и лицо платком, торопливо говоря:

– Извини, раньше не смог. Ждал результатов экспертизы.

– Ну и что выяснил? – не выдавая заинтересованности, спросил Ежов.

– На фотографии только твои и мои отпечатки пальцев, других нет.

– Мои? А, ну да, я ведь брал ее в руки... А что, так и определили, что отпечатки мои?

– Конечно. Так и сказали: ваши и Ежова.

– Откуда они знают, какие у меня отпечатки? – Тонкая шея Ежова стала длиннее, а глаза округлились, и в них сейчас сквозила не обычная надменность, а встревоженность. Ежов испу-

гался не столько покойного Рощина – хотя, конечно, испугался, – сколько отпечатков, известных милиции. Что это значит? Как они туда попали?

– Они там все знают, не в том дело, – отмахнулся Фоменко. – Важно другое. Почерк Рощина. Так-то вот! – И нервозно хохотнул.

– Его? Не поддельный? – Ежову стало жутко.

– На девяносто процентов. Но как раз количество процентов дает уверенность, что почерк его. И самое интересное: надпись сделана дня три назад. Как тебе?

– Странно все это. Кто-то пытается разыграть мистический спектакль, пугает тебя. – Про свои опасения и страхи Ежов умолчал, Фоменко обязательно займется псевдо-Рощиным, а он посмотрит, что из этого выйдет. – Органы надо подключать, чтобы отловили шутника. И не тяни.

– Как же все это понимать? Человека нет, а от него приходят известия, написанные его рукой. Нелепо.

– Нет, не нелепо. Тебя берут на понт, а завтра, возможно, вымогать деньги будут, это все объяснимо. Милиция обязана застраховать тебя от мошенников.

Фоменко согласился и отправился к пирующим, так как с утра маковой росинки у него во рту не было, а Ежов задержался. Рощин...

8

Геннадий Павлович Бражник спешил в прихожую – настойчиво звонил поздний гость. Не успел открыть дверь, как вынужденно отпрянул. В квартиру ввалился мокрый с головы до пят Медведкин и прошествовал без каких-либо объяснений на кухню, оттолкнув хозяина и пробормотав:

– Водки дай... Нет, сначала воды, потом водки. стакан.

Бражник в спортивных штанах и майке, в тапочках на босу ногу проследовал за ним. Он уже успел вздремнуть, был вял и зевал. Всякие там разговоры на личные и общественные темы вести сейчас у него не было желания.

Сорок семь лет Геннадию Павловичу. Личность он известная, однако всеми позабытая, что его абсолютно не устраивает. Он усиленно лезет в политику города, а его усиленно оттуда выпихивают. Бражник имеет свои клички, как и многие известные в тех кругах люди. Самая распространенная – Темная лошадка с ядовитой уздечкой. А дело вот в чем. Когда-то он решил, что достоин кресла мэра, и выставил на выборах свою кандидатуру. С этого начался закат его карьеры во всех направлениях. И не только его, многим пришлось дорого заплатить за скромное желание Геннадия Павловича. Бражник – человек непостоянный, шарахается из стороны в сторону, поэтому и зовут его темной лошадкой, а острый язык Геннадия Павловича не дает покоя правителям города. Он, озлобленный неудачей на выборах, даже написал о верховной клике брошюру, отличающуюся исключительной ядовитостью. Брошюра нашумела, жители города посмеялись и решили, что на Бражника обязательно будет покушение. Ждали этого, затаив дыхание. Но заговор молчания полностью уничтожил претензии Геннадия Павловича на статус смелого политика, и он канул в забвение. Лицо у него некрасивое, в мелких ямках, как после оспы, однако борода, по мнению многих женщин, закрывает сей дефект природы, делая внешность Бражника даже импозантной. Впрочем, женщины ценят остроумие и обхождение, поэтому Геннадий Павлович и пользуется у них успехом.

Арнольд Арнольдович, пройдя пешком через полгорода и промокнув до нитки, с трясущимися руками, залпом осушил четверть графина воды. Затем сразу бухнулся на табурет у стены и простонал:

– Дай водки, умоляю! Водки мне!

Бражник знаком с Медведкиным много лет, а в таком состоянии возбуждения видел его впервые. Показалось, что и редкие волосенки вокруг плечи на голове Арнольда Арнольдовича торчат не просто в разные стороны, а дыбом. Геннадий Павлович достал из шкафа початую бутылку, взял рюмку. Но Арнольд Арнольдович вырвал из его руки бутылку, поискал глазами стакан, а не найдя, схватил чайную чашку, наполнил ее до краев и залпом, как только что воду, выпил водку.

Бражник окончательно проснулся:

– Чего стряслось?

Арнольд Арнольдович бросил на него тоскливый, как у бездомной собаки, взгляд и с видом заговорщика спросил:

– Гена, ты веришь в жизнь после смерти?

– Где ты нос разбил? – наконец заметил Бражник запекшуюся кровь под носом приятеля.

– Неважно. Ответь: веришь?

Подозревая, что друг тронулся умишком, Геннадий Павлович присел на табурет напротив, потирая нервно черную с проседью бороду, и сказал ласково:

– Арнольдыч, давай я позвоню жене, она прие...

– Не надо! – дернулся Медведкин. – Я в своем уме, не смотри на меня так. Боже мой! – схватился он руками за голову, поставив локти на стол. – Почему так: если человек ходит как кол проглотил, замкнут, необщителен и груб, то считается нормальным? Если же потрясен настолько, что плохо контролирует свое поведение, или до наивности искренний, так все решают, что он ненормальный? Я нормальный, Гена! Но стоит мне рассказать, кого я видел час назад, ты вызовешь неотложку. Я этого не хочу.

– Не вызову, – пообещал Бражник, да он бы сейчас пообещал что угодно, потому как слишком уж необычно было поведение Медведкина. – И кого же ты видел?

Арнольд Арнольдович взглянул исподлобья на друга, будто пронзил насквозь. Потом налил в чашку еще водки, но уже половину, выпил, снова посмотрел на Бражника и решился:

– Я видел Кима Рощина.

У Бражника не обозначилось изменений на лице. Разве что проскользнула жалость. Медведкин закивал головой: мол, я знал, что ты не поверишь.

– Гена, я его видел, – сказал редактор, выделяя каждое слово, – как тебя. Он говорил со мной, и он... он был живой! – Это оказался последний довод, и его Арнольд Арнольдович выкрикнул, сотрясая кулаками воздух.

– Успокойся, Арнольдыч, у женщин бывает климакс, у мужчин в нашем возрасте тоже происходят некоторые изменения в той или иной степени...

– Дурак ты, Гена. – Медведкин оборвал друга и отвернулся, не желая доказывать то, что недоказуемо. Спиртное подействовало, он устало опустил голову на руки, но происшествие настолько бередило, что тут же подскочил: – Ну почему ты не веришь? Я не сошел с ума! Хочешь, докажу? Сегодня одиннадцатое мая, среда. Я главный редактор бездарной газетенки, выполняющей волю администрации и именуемой в народе «боевой листок» за чисто информативный профиль. Вчера я был на координационном совете, у меня двое детей, жена и трое внуков. В жизни я сделал немало подлостей...

– Вот! – подхватил Бражник. – Это и доказывает, что ты не в порядке. Ни один нормальный человек не признается, что делал подлости.

– Верно, – удивился Медведкин и сразу как бы потух, а после заговорил медленно, со слезой в голосе: – До сегодняшнего вечера и я не признался бы. Вслух не признался бы. В душе-то я знаю, что почем. Но, Гена, если бы я не видел его в гробу, а только слышал, что Ким умер, то, увидев его – живого! – час назад, я бы подумал – меня обманули. И не пришел бы к тебе среди ночи, возможно, предупредить тебя...

– О чем? – снисходительно усмехнулся Бражник.

– Не знаю. Мы все, как говорится, одним дерьмом мазаны...

В прихожей зазвонил телефон, Геннадий Павлович вышел. Через минуту вернулся, и лицо его уже не было таким самоуверенным. Он потянулся за бутылкой, а там – всего граммов тридцать. Достал еще одну и замер, задумавшись.

– Кто звонил? – подозрительно сощурился Медведкин.

– Ким, – с глупой улыбкой выдавил тот. Арнольд Арнольдович издал торжествующий звук, подпрыгнув на табурете. У Бражника же выражение сменилось, стало растерянным и испуганным. – Он спросил: «Гена, знаешь русскую поговорку: от сумы и от тюрьмы не зарекайся?» Я ответил, что знаю, а он сказал: «Хорошо» и положил трубку.

9

Ежов, оставшись один в зале краеведения, в каждом идоле вдруг разглядел черты... Рощина. Каменные изваяния будто окружили и готовы были вот-вот двинуться с четырех сторон на Валентина Захаровича. Нечто живое, невидимое и страшное вползло в зал древностей. Ежов поежился.

Несколько лет назад из уст в уста переходило одно имя: Рощин, Рощин. Когда-то это был самый знаменитый человек в городе. Ежов тогда прозябал на административных задворках, но упорно и успешно расталкивал локтями конкурентов. Сначала восторгались Рощиным, обожали его как кумира. Позже ненавидели с той же страстностью, с какой до того любили. Еще чуточку – и Рощин стал бы... царем в этом городе. Вполне вероятно, он стал бы справедливым царем, мудрым. Он сумел заработать деньги, гордился этим, значит, у него не было бы желания брать их везде и всюду, где возможно, и в неограниченном количестве. Он был капиталист до мозга костей, следовательно, объединял бы предпринимателей, давал бы им работать не за взятки, а из любви к бизнесу. Отсюда вопрос: кому все это нужно? Естественно, он бы пнул под зад коленом нынешних представителей руководящей верхушки города, которых за глаза граждане называют трутнями, паразитами, дармоедами, захребетниками. Вон сколько электорат выдумал оскорбительных слов! Отсюда ответ на поставленный выше вопрос: это нужно всем, кроме тех, кто стоит во главе администрации. Куда деваться Сабельникову, Ежову, Туркиной и иже с ними? Зарабатывать трудовыми мозолями хлеб насущный? О, вкусивший доступ к народному достоянию не захочет набивать мозоли. И Рощина уничтожили как реальную угрозу переворота в городе. Его уничтожили в прямом смысле. Красиво расставили сети, а он плюхнулся туда. Уничтожили чужими руками, воспользовавшись законом. Рощина поразили насмерть.

– Это называется знай наших! – сказал вслух Ежов. – Так будет с каждым...

– Валентин, куда ты пропал?

Он не услышал шаги Зиночки, настолько погрузился в собственные тревожные мысли. Стоял, сунув руки в карманы брюк, сжав их в кулаки, вперив взгляд в идола, словно каменное изваяние только что спорило с ним. Валентин Захарович не верит в призраки, в бога, в черта и прочее. Рощин умер, его похоронили. Все видели его в гробу, все! Кроме Ежова. Кто же он, тот человек, что появляется под видом Рощина? Что он затеял? Самоуверенный Ежов вибрировал, так как появление покойного – или его двойника? – ничего хорошего не сулило.

– Что с тобой, Валя? – Зина обняла его сзади за плечи. Только в тот миг он очнулся. Увидел краснощекую, пухлую и мягкую Зиночку, и натянутые нервы потребовали разрядки немедленно. Он потащил ее в прилегающий зал без уродливых изваяний. – Валя, ты что делаешь? Ты же никогда здесь не...

– Зина, – протонал Ежов, – мне нужно! Здесь никого нет, давай, а? На этом диване сидел царь... Ну же, Зина! Сигнализация отключена, не бойся...

Что ж, это тоже аспект работы. Высокопоставленному коллеге положено идти навстречу, а Сабельников советует жить половой жизнью в родном коллективе – так надежней. Но узкий диванчик оказался тесноват для двоих. Если же учесть, что на нем сживал сам царь, то еще и староват, – подломилась ножка. На полу пышной Зине оказалось жестко, и она встала на четвереньки, подняв облегающую юбку, а он пристроился сзади. Никаких стонов и вздохов, прелюдий и адажио – поджимало время. Тут главное – скорость.

В комнату к музейным работникам залетел новый ночной сторож, покатываясь от беззвучного хохота. Он облокотился о стенку и только подавал знаки: мол, там... и хватался за голову. Дама – научный сотрудник первая догадалась, что парень зовет их к себе в каморку, а это совсем рядом, только пройти коридор и еще одну комнату. Она нехотя встала:

– Ну чего там, пошли. – За ней гуськом потянулись женщины, но у монитора все в шоке замерли. – Ой, мамочка, чего делается! Они не знают, что в музее повсюду камеры?

– За-бы-ли, – прокудахтала Олечка, давясь смехом. – При-ис-пичи-ло...

– Канапе, гады, сломали, – вздохнула вторая сотрудница. – Фу, какая мерзость.

– Господи, а это кто там, девочки? – указала на монитор первая.

Присмотревшись, они заметили в углу зала поднимающуюся фигуру.

– Это уборщица, – шепотом сказала четвертая. – Ее попросили остаться. Надо же будет тут все... подтирать да замывать.

– Девочки, ходу отсюда! – приказала дама – научный сотрудник. – Мы ничего не видели.

А ты, балда, отключи камеры. Быстро все вон отсюда.

Вернувшись к себе, работники музея истерично затряслись от смеха до икоты.

Чуткое ухо Зиночки уловило шорох в углу, она испуганно пролепетала:

– Валя, здесь кто-то есть!

– Ни-ко-го здесь не-ет, – отозвался в ритме соития Ежов.

– Нет, есть. – Зина поползла вперед, надеясь оторваться.

– Зинка! – взвыл Ежов.

И тут вдруг раздался громкий пропитой женский голос:

– Вот безобразники! Тьфу!

Из угла вышла пожилая женщина неприглядного вида.

– Ты откуда вз-зялась, кик-кимора?! – обомлел Ежов до заикания. – Алкашка поганая! Я тебе покажу, как подглядывать!

– Я – подглядывать?! – оскорбилась та. – Да пошел ты... Сижу здесь, жду, когда у вас запой кончится, попросили остаться без оплаты сверхурочных, а они тут... Тьфу, бессовестные! А еще культурные люди!

– Да ты знаешь, кто я? – вне себя завопил Ежов, Зина спрятала лицо в ладони. – Завтра ты здесь не работаешь!

– Ох и напугал! – разошлась уборщица. – Это тебе за кресло двумя руками держаться надо, а я на свою тряпку всегда найду работу за триста рублей. Ну все, замывать ваше паскудство я не намерена. За триста-то рублей? Да пошли вы все... Тьфу, хоть бы хозяйство свое в штаны спрятал!

И тетка, с достоинством подняв голову, вышла из зала, продолжая ругаться.

– Валя, я говорила: не надо! – Зина подняла лицо, красное и мокрое от пота.

– Сука старая, понесет теперь по городу. Уничтожу тварь помоечную!

– Эту тварь помоечную ничем не возьмешь, потому что у нее ничего нет. Ладно, идем к остальным. – Зина успела привести себя в ажур. – Про нас чего только не говорят в городе, одним языком больше... Подумаешь, какая-то вонючка побазарит! Идем, Валя.

Пир закончился далеко за полночь.

Глава 2. Свидание с покойником

1

Николая Ефремовича Сабельникова после банкета около часа ночи отвезли в резиденцию – собственное частное владение с обширным двором и двухэтажным домом. Два личных помощника подхватили мэра под белые ручки, отнесли к дому, предварительно обшарив карманы и отыскав ключи. Прислонив Сабельникова к колонне, подпирающей навесной балкон над входом, один стал открывать дверь, второй пошел закрывать гараж, куда вкатил автомобиль. В это время шеф рухнул на пол, не удержавшись на ногах.

Николай Ефремович не болен. Просто перебрал. Его страсть к спиртному ни для кого не новость. Жена и дочь махнули в круиз, бросив главу семейства и города на помощников, уж больно надоел он им.

Два рослых парня-помощника, пока доволокли полутруп мэра до спальни на втором этаже, обессилели, ведь шеф росточка не маленького плюс ко всему откормлен на совесть. Бросили его на огромную кровать и сначала отдышались. Затем включили настольную лампу, чтобы не пробираться потом в потемках, ежели Сабельников вздумает позвать, и спустились вниз. Им предстояло ночь провести здесь. Парни были голодны – к банкету их не допустили. Первым делом они наперегонки рванули на кухню, врубили телевизор и с волчьим аппетитом принялись истреблять запасы хранящихся в холодильнике деликатесов, которых хватило бы на период ядерной войны. Раз в неделю мэру завозят продукты со всех рынков. Везут высший сорт и бесплатно. В подвалах ящики уже и ставить негде... Находясь у мэра денно и ночью, два помощника, пользуясь моментом, не переставали работать челюстями, и за какую-то неделю лица их, да и фигуры значительно округлились.

Итак, помощники набивали желудки, соревнуясь, кто больше съест, а в это время в спальне...

Николай Ефремович был в сознании. От большой дозы принятого виски у него всего лишь нарушилась координация, а вообще-то он все соображал. Конечно, его заело, что парни так небрежно обошлись с ним, бросили абы как. Ноги свешивались с кровати и уже затекли.

– Думаете, я в полной отключке? – бормотал он, лежа на спине и собирая силенки, чтобы лечь комфортней. – А вот и не в полной. Я запомнил и обиделся. Завтра вам вставлю фитиль. Обоим. И подожду. Вы меня запомните, по всем этажам ракетой пронесетесь.

Сабельников повернулся наконец набок и увидел... маленького, волосатенького, размером с пол-литровую бутылку нахаленка. Николай Ефремович прищурил один глаз, протянул руку и залепил в крохотный лобик щелчок. Нахаленок кубарем свалился с кровати, а удовлетворенный Николай Ефремович подтянулся на руках, посмеиваясь и взбираясь с ногами на постель.

– Кто здесь? – спросил он, с трудом ворочая языком, ибо ему вдруг померещилось, что в кресле кто-то сидит. Стало любопытно: неужели к нахаленку прибыло подкрепление?

– Я, – тихо отозвался некто в кресле. Нахаленки не разговаривают никогда, только прототивные рожи корчат и пищат.

– И кто ты? – ничуть не удивился Сабельников.

– Ким Рощин. Помнишь такого?

Еще бы! Но Николай Ефремович снова не удивился, а выпятил нижнюю губу, прикидывая в уме, с какую целью его навестило привидение.

– Покажись, – с усилием сел он на кровати, всматриваясь в полумрак.

Рощин встал с кресла. Сабельников склонил голову на один бок, на другой и, удостоверившись, что перед ним действительно Ким Рощин, замахал руками на всякий случай:

– Изыди! Чур меня, чур!

– Зря машешь, не изыду, – спокойно сказал тот.

– А, понял! Ты за мной пришел? – В вопросе послышалась угроза: мол, просто так меня не возьмешь. – За мной?

– Пока нет.

– Тогда зачем? – Вот теперь Сабельников удивился. – Что надо? Ты ведь умер.

– Ты убил меня... – тихо сказал Рощин. В голосе послышалась живая ненависть. Ненависть человеческая, а не призрака, сильная и страшная, от которой у мэра похолодело внутри.

– Я? Неправда, – шепотом произнес Сабельников. – Я не убивал тебя. Ты сам умер, сам. Значит, ты пришел мстить?

– Разве ты никому не мстил? – Николаю Ефремовичу показалось, что Рощин усмехнулся. – Ты мстил по таким мелочам, что вспоминать противно. Мстил жестоко и коварно. Более того, тебе всегда было мало мести – требовалось раздавить. Вспомни, как ты принимался за обыкновенных людишек, за фуфлю, как ты говорил, – за рабочих лошадок на заводах, в школах. Ты – местный царек, а занимался не царским делом, потому что сам фуфлю, скот и законченный алкоголик. Ты большой-большой кусок тухлятины.

– Ну и что? – набычился Сабельников. – Мне это говорили не раз всякие вонючки вроде тебя. Я на вас всех положил... Тебя нет! И сейчас я разговариваю не с тобой. Что, съел? Мне психопат в больнице, врач то есть, сказал, что никого вас нет. И этих тоже нет... Пошли вон, суки зеленые! – шикнув, он смахнул с постели, как будто крошки, рассеявшихся рядом нахалят.

– Что ты делаешь?

– Не видишь, чертей прогоняю, – огрызнулся тот. – Приходят, рожи свои суют, в карманы лезут, твари. И ты пришел с того света... уличать. Что, думал, испугаюсь? А вот тебе раз! Вот тебе два! – Пальцы обеих рук Сабельников с трудом сложил в фиги и потряс ими. – Никого не боюсь! Ну, что вы мне сделаете? В ад унесете? Я и там найду местечко, вам мало не покажется! Всех построю по ранжиру. Я вас и в аду давить буду, как гнид... И в аду, понял?

Полное одутловатое лицо Сабельникова перекосила злобная гримаса. Очевидно, призрак Рощина испытал потрясение, потому что спросил растерянно:

– Слушай, а тебя никогда не беспокоит совесть?

– Со... Да на кой она мне нужна! Засунь ее себе знаешь куда. Совесть! Ха-ха-ха! Вот ты, к примеру, стал покойником со своей совестью, а я живу и процветаю, пью и жру, воздухом дышу. А ну пошли отсюда, я сказал! – Стащив туфлю, запустил ею в угол. – Во, попал!

– Николай Ефремович, вы что-то хотите? – крикнул снизу помощник.

– У меня прием по личным вопросам! – рявкнул громко Сабельников, а Рощин метнулся в темный угол. – И вообще, я сплю! Сплю я! – Поискав глазами собеседника, самодовольно хмыкнул: – Тоже мне мертвец, а боится живых. Рощин, подай бутылку, она там, за занавеской стоит, возле тебя.

– Я тебе не лакей, сам возьми свое пойло.

– Ну и подумаешь! – Мэр сполз с кровати, но подняться на ноги ему не удалось, а посему до заветной бутылки он добрался на четвереньках. Выпив несколько глотков прямо из горлышка, икнул и хитро посмотрел на Рощина, стоящего рядом: – Что дальше? Вот я тебя приложил, а?

– Ну раз ты такой храбрый, приглашаю тебя... вас на свидание.

Он подчеркнул слово «вас», что озадачило Сабельникова.

– Кого – нас? – спросил он удивленно.

– Вот список. – Рошин достал из кармана сложенный белый листок, прошел к туалетному столику из черного дерева, положил на его матовую поверхность. – Завтра в двенадцать ночи пригони своих прихвостней на старое кладбище в часовню купца, у меня к вам дело.

– Часовня... кладбище... – поморщился Сабельников. – Что за ерунда?

– Вздумаешь подличать, притащить за собой «хвост»...

– Понял, будешь доставать меня по ночам. Хорошо, будем. – И Сабельников вновь отпил из бутылки. – В двенадцать... на кладбище. А теперь убирайся. Пошел вон с чертями вместе, надоел!

Сабельников запустил в призрака бутылкой. Та пролетела мимо уклонившегося Рошина, попав в зеркало. Звон разбитого стекла посеял панику внизу, на лестнице послышался топот. Ким мгновенно бросился к Сабельникову, схватил его за грудки и с силой швырнул на пол лицом вниз. Влетели помощники:

– Что случилось, Николай Ефремович?

Тот пытался встать на четыре конечности, падал, ударяясь лицом об пол, кричал и ругался матом. В пьяном виде Сабельникову казалось, что обыкновенные слова не доходят до окружающих его людей, поэтому пользовался ненормативной лексикой, подкрепляя ее ненормативными жестами. В подпитии все окружающие виделись ему еще более тупыми бездельниками, никчемными словоблудами, подлыми и жадными – в общем, заслуживающими кнута без пряника. Вот он и поносил своих помощников на чем свет стоит. Те – без реакции. Они снова подхватили Николая Ефремовича под руки и снова кинули на кровать. Когда парни ушли, Сабельников, с трудом открывая глаза, промямлил:

– Рошин... ты где? Где ты? Рошин... Давай поговорим... мать твою!

Никто не ответил. За окном вновь хлынул дождь, Сабельников через минуту захрапел. Из-за тяжелой шторы вышел призрак, остановился у кровати, брезгливо произнес:

– Грязный ублюдок.

2

Та же ночь, третий час новых суток. Ливень шевелил кроны деревьев, и листва отзывалась бухтением. В лужах плясали струи, плавали пузыри, озорно лопаясь. Ночь дышала свежестью, природа – ароматами, и столько было кругом жизни, что невозможно не задержать взгляда на растительности, очищаемой дождем.

Опустошенные глаза Аркаши Иволгина мимоходом скользили по обеим сторонам улицы, запоминая этот мир, который будет и потом, после него, тогда как самого Аркаши не будет. Он шел скорым шагом по середине проезжей дороги, наступая в лужи. Иногда, проводя ладонью по лицу, стирал струи воды. Иволгин позволил себе последнюю прогулку по ночному городу, и ливень пришелся кстати как последний подарок. Аркаша всегда любил дождь. Когда набегали тучи и становилось сумеречно, а первые капли начинали тарабанить по крышам, в нем просыпался небывалый подъем, в голове рождались идеи. А все почему? Потому что потоки с неба дают жизнь всему существу. Они и в Аркашу вселяли уверенность, что все в мире создано для него, а он должен привнести сюда нечто масштабное. Аркаша никогда не позволял себе злости, ненависти, зависти. Считал, что на низменные страсти нет времени. И не ошибся! Теперь у него нет времени вообще и ни на что, хотя ему всего около двадцати восьми. Как странно, все кончилось. Аркаша сжимал в кармане пистолет, и ему не в чем было упрекнуть себя, он ни о чем не жалел. Нет, пожалуй, жалел. О том, что видел в данный момент, готовясь уйти во тьму. Ведь невозможно забрать с собой дождь, запахи весны и шорохи ночи.

На перекрестке он остановился. Хорошо зная литературу, только сейчас поразился точным метафорам, связанным с перекрестком. Четыре дороги... Направо пойдешь... и так далее.

А он пришел. Осталось выбрать последний уголок – и все-таки снова выбор, и как раз на перекрестке. Он тихо проговорил:

– Никто не должен слышать, – и решительно свернул.

Дорога влево вела к парку. Аркаша едва не угодил под автомобиль, но не испугался, а прошествовал дальше, хотя водитель что-то крикнул ему. Вот и парк. С той стороны, с какой подошел Аркаша, в ограде зияла огромная дыра. Переступив через кирпичную кладку, он очутился в парке. Вышел на дорожку и пошел медленно вглубь, слушая дождь, отзвуки своих шагов... и еще чьих-то. Не оглянулся. Какая разница, кто идет за ним? Может, тот, сзади, надумал с целью ограбления убить Аркашу? Было бы неплохо. Не сам себя, а кто-то. Через пару минут остановился. Шаги за спиной тоже не слышны – видимо, человек свернул с дороги. Аркаша достал из кармана пистолет, снял с предохранителя.

– Вот и все, – сказал, подняв лицо к небу и зажмурившись от струй.

Все – это мгновенная боль и ничего. Одна секунда боли – и конец. Он приставил пистолет к виску. По счету «три» – так решил Аркаша. Раз... два...

– Дай сюда, дурак!

Кто-то вырвал пистолет. Аркаша увидел перед собой человека, стоявшего спиной к электрическому свету, поэтому лицо его осталось в глубокой тени.

– Кто вы? – спросил Иволгин устало, разом ослабев.

– Считаю, твоя фортуна.

Аркаша почувствовал, что сейчас упадет. Шатаясь, добрал до скамьи, тяжело опустился. Человек присел рядом, не спускал глаз с несостоявшегося самоубийцы. Паузу заполнил дождь. Но вот Аркаша вяло выговорил:

– Зачем вы... помешали? Какое вам дело?

– Затем, что нет ни одного веского предлога, дающего право убить себя.

– Много вы понимаете, – вздохнул Аркаша. – Завтра все останется прежним. Меня посадят. Надолго. Я ничего не сделал преступного, но теперь и сам сомневаюсь...

– И все же ты выбрал не тот выход. У тебя есть семья?

– Мама, жена и дочка.

– Ты их любишь?

– Конечно.

– Им ведь будет очень больно, когда тебя не станет. И это останется на всю жизнь. Твоя боль будет секундная, а у них всю жизнь.

Аркаша вдруг заплакал. Он плакал беззвучно, содрогаясь всем телом, спрятав лицо в ладонях. А человек смотрел под ноги, думая про себя, что и его посещали подобные мысли. Давным-давно. Но он заставлял себя жить, на что требовалось гораздо больше мужества. И сказал с усмешкой:

– Знаешь, Аркадий Иволгин, это очень просто – уйти...

– Откуда вы знаете мое имя? – перебил Аркаша.

– Я все знаю, а ты нет. – И человек на минуту замолчал, потом заговорил медленно и тихо, совсем не уговаривая Аркашу, а, скорее, делясь мыслями: – Только подумай, вся эта свора, которая тебя раздавила, забудет о тебе завтра же. Они останутся и будут неплохо себя чувствовать, обобрав тебя. Ты им поможешь процветать и верить, что они вседержители. Ты уступаешь им. А они даже не люди. Думаю, им и в аду нет места. Они никогда не раскаиваются, презирают всех, кто не их поля ягода, и ловят кайф от сознания, что мучают таких, как ты. Они давно разложились, осталась одна гниль, но и им нужна... подкормка. А кормятся они тем, что делают из людей себе подобных. Это вирусы, которые заражают страхом, подлостью, низостью. Глядишь, был неплохой человек, а стал вирусом. Так пополняются их ряды. Им приятно сознавать, что вокруг все одинаковые, все дерьмо. Если же ты не уступаешь, прикладывают все силы, чтобы сжить тебя со свету. Тут уж все средства хороши. И вдруг ты пускаешь пулю в лоб.

Они на коне, получают повод сказать: видите, так будет с каждым, кто посмел противостоять нам, останутся жить те, кому мы позволим. И вирусов становится больше и больше. Так-то, Иволгин. Ты хочешь подкормить их своей смертью? Тем, что сдался? А твоя дочка? Ей ведь расти среди них, и ты уже не сможешь поддержать ее. Хочешь, чтобы и она стала вирусом? Ты просто не подумал, Иволгин. А ты должен думать.

– У меня нет выбора, – упрямо, но уже с надеждой произнес Аркаша.

– Выбор всегда есть, запомни. Знаешь что... приходи завтра в одиннадцать ночи на старое кладбище.

– Куда?!

– На кладбище, – сказал человек так просто, будто пригласил к себе домой на чашку чая. – Я надеюсь, завтра ты передумаешь умирать... Только обязательно приходи, хорошо?

– Хорошо, – с некоторым сомнением в голосе пообещал Аркаша.

– А теперь иди домой. Тебя ждут жена и дочка. Подвезти?

– Нет, я пройду. Мне надо подумать.

– А ты не... когда я уйду?

– Нет, – горько усмехнулся Аркаша. – На это нужна решимость, а я только что ее потерял.

Они вдвоем вышли из парка тем же путем, через дыру в ограде. Когда человек садился в машину, Аркаша опомнился:

– Как вас зовут?

– Ким. Ким Рошин. Извини, но пистолет я оставляю себе. До завтра?

– До завтра, – произнес Аркаша, глядя вслед удаляющемуся автомобилю.

Дома его встретила жена, похожая на девочку, белокурая, как ангел, с голубыми глазами, в которых задержались слезы:

– Аркаша, где ты был? Я... Мне было так страшно одной.

Он привлек ее к груди, поцеловал в макушку:

– Я встретил хорошего человека, мы посидели с ним... в парке.

– В парке? Под ливнем? Ты промок. Давай я приготовлю ванну и напою тебя чаем? Только сначала позвоню твоей маме, она тоже волнуется. Если хочешь, выпей. Тебе нужно, я знаю. Потому что... потому что понимаю, как тебе тяжело, но... не уходи.

Она разревелась. словно чья-то рука сжала сердце Аркаши в кулаке и не отпускала. Это была сильная боль, появившаяся от сознания, что он счастлив. Да ведь всего час назад он чуть было не лишил себя счастья. А остальное... как-нибудь перемелется. Он шептал, прижимая жену:

– Я не должен был, я понял... Спасибо, Ким.

3

Проснувшись утром, Сабельников зевнул и учуял собственный перегар, будто все кишки пропитались спиртным и какой-то дрянью. Собственно, так и есть. Николай Ефремович про-спиртован основательно. Но, как и подавляющее большинство пьяниц, заболеванием свое пристрастие к алкоголю он не считал, несмотря на постоянных спутников – нахалят-чертей. Вспомнив о них, мэр заворочался, осматривая кровать. Нахаленков не обнаружил. Вообще-то день впереди, успеют надоесть. Он давно привык к ним и покуда ощущает себя сильнее маленьких негодяев, исполняющих мерзкие пляски. Когда трезвый, их не видно вовсе. Но стоит принять рюмочку – они тут как тут, размером с мизинец. Потом, по мере увеличения опьянения, подрастают и становятся ростом с бутылку. Без них ему даже скучно бывает.

– Эй! – заорал Николай Ефремович. – Кто-нибудь! Отзовитесь!

Так орал он долго. Наконец один примчался с сонной рожей.

– Принеси попить, – сказал Сабельников. – Чего-нибудь пахучего, а то во рту как верблюд насрал.

Помощник притащил бутылку фанты. Николай Ефремович высосал всю, несколько раз отрыгнув газы, и спросил:

– Сколько времени, какое число и куда мне переться?

– Сейчас семь утра, сегодня двенадцатое мая, четверг. В десять совещание.

– Иди, я еще посплю.

Помощник ушел, а Сабельников повернулся на бок, собираясь соснуть часок-другой, и увидел, что зеркало разбито. Поморщился: жена придет, как откроет хлебозерку... А он купит новый стол с зеркалом и пуфик в придачу! Тра-ля-ля – проблема решена! А как разбилось зеркало? Он наморщил лоб. Не помнил.

Сабельников снова сел в кровати. Спал он в одежде и сейчас уставился на одну ногу в туфле. Поискал глазами вторую. Она оказалась в углу, недалеко от кресла. Кресло! Вспомнил: там вчера сидел... Рошин. И зашевелились волосики на голове Николая Ефремовича. Это вчера, под градусами, он хорохорился, а сегодня страшновато стало. Чертей не боится, раскидывает их десятка по два, но призрак в натуральную величину пугал. Скажи кому, не поверят! Выдадут резюме: допился товарищ мэр до белой горячки, долой его!

– Все, больше не пью, – сказал Николай Ефремович, поднимаясь. – Ну их, эти видения, к черту. Рогатые мерзавцы еще куда ни шло, но призрак... Не пью.

Освежившись в ванной, вернулся в спальню. А Рошин из головы не выходил. «Он как настоящий был вчера, – припоминал Сабельников, – говорил чего-то. Ага, обличал! Вот на кой призраку земные дела? Потусторонних мало?» Осадок нехороший остался, страх засел где-то глубоко под кожей, внутри. Взглянув на мелко дрожащие руки, Сабельников решил, что чуть-чуть принять не помешает. Но чуть-чуть! Голова чугунная, а скоро совещание. Кстати, врачи не советуют резко бросать дурные привычки, надо постепенно, а то и умереть можно. Сабельников взял в руки вчерашнюю бутылку виски, припрятанную от жены и продажных помощников, какое-то время любовался наклейкой, предвкушая блаженство. Пропустив рюмочку, замер, чувствуя распространение приятного тепла по телу, совсем легкого, почти незаметного. Николай Ефремович пьет исключительно виски, норма – два пузырька в день. Иногда два с половиной. Но если три, он в космосе без скафандра, тогда его возвращают на землю путем медицинских процедур. Виски – это... о! Николай Ефремович поднял бутылку к глазам – там всего ничего осталось. Не хранить же каких-то пятьдесят граммов. Пропустил вторую рюмку. Теперь хватит. Убрал пустую бутылку, потянулся... А на поверхности столика среди осколков запрыгал маленький чертик с омерзительной харей.

– Привет, – недобро сказал Николай Ефремович, осторожно приближаясь к столу. – Я тебя... – Чертик не испугался, прыгал на белом листе, корча рожи. Сабельников дал нахалу в лоб, развернул лист, заглянул в него и опустил на пуфик. – А да, призрак же пригласил на свидание, и я пообещал, что придем. И как я всех козлов из списка загоню на кладбище? Вот им и повод турнуть меня в психушку. А вот им всем раз, вот им два! И призраку этому тоже. Не пойду ни за что.

Мэр потряс в воздухе фигами, но улучшенная опохмелкой память выдала новые эпизоды вчерашнего рандеву с покойником. Ким хватал за грудки, швырнул на пол, а еще угрожал! Значит, он может все! Все это жуть с кошмаром вперемешку. Богатое воображение Сабельникова рисовало картины, как его живьем пожирают Рошин и чертики. Нахаленки откусывают по кусочкам от Николая Ефремовича, смачно чавкают, раны кровоточат, ему больно. Но вот приближается Рошин, который по сравнению с чертями гигант, и зубы у него... этот вгрызется основательно. Сабельников передернул плечами от ужаса. Он постоянно начеку, не дает чертям подобраться скопом. Но если нападут все сразу, если их объединит Рошин, наступит конец. Правильно говорят: разделяй и властвуй! Но все равно не верилось в существование

Рощина-привидения. Впрочем, раз существуют черти, почему покойник не может подняться из могилы? Логично? Логично!

– Мне что, одному страдать? – справедливо возмутился Сабельников.

Весь день он придумывал, каким образом заманить перечисленных в списке на кладбище.

4

Явившись на службу, распорядился вызвать к нему всех из списка Рощина к концу рабочего дня. Подходило время, Сабельников нервничал и, само собой, укреплял нервную систему виски. Пропорционально выпитому черти не только росли в размерах, но и становилось их больше числом. Николай Ефремович делился с ними вслух кое-какими мыслями по поводу предстоящего похода на кладбище, а те безобразничали пуще прежнего. Тогда разгневанный мэр, не получив ожидаемых советов, разгонял их чем придется по кабинету, задумывался, снова тянулся к шкафу, где стояла родимая бутылка. Правда, нахаленки оставались всего-то с рюмку ростом, не атаковали. Значит, Николай Ефремович пока держится в приличной форме. Когда черти становятся как пол-литровая бутылка, тогда он сам знает, что грань переступил, а когда с бутылку из-под шампанского вырастают, значит, уже в нулях, но еще при памяти. Так что на момент прибытия лиц из списка мэр вполне соответствовал стандарту трезвенника.

И вот ему доложили, что вызванные в приемной. Сабельников принял важный вид, отдал команду впустить их в кабинет и зорко наблюдал, как входят названные лица.

Ежов бодро, с видом «не подходи, а то укушу» устроился на стуле поближе к мэру: мол, я – твоя правая рука. Лик подобрел, когда подбострастно уставился на шефа. «А сам спихнуть меня мечтает, – подумал Сабельников с обидой, – и уверен, что я не в курсе. Выкормил из своих рук эту скотину».

Бражник буркнул приветствие и уселся в кресло в дальнем углу. Ну, этот обижен властями, губенки поджал, рожу отвернул. Внутри Николая Ефремовича настолько всколыхнулось негодование, что он даже позволил чертику уцепиться за галстук. Нет, вдуматься: Бражник покусился на трон мэра, подло предал за должность друга и хотел, чтобы с ним считались! «Да твое выступление в суде оказалось решающим, тебя Рощин должен больше всех ненавидеть, а приходит ко мне с того света!» – едва не вырвалось у Сабельникова.

Но тут вошел Хрусталеv. Всклокоченный, со страдальческой миной, бегающими глазенками, точно подлость какую-нибудь только что совершил, а теперь боится разоблачения.

Следом в кабинете появился Фоменко – свой в доску и пренебрежителен к остальным. С этим сундуком денег лучше дружбу водить.

Медведкин шаркающей походкой, ссутулившись, подошел к стулу у стола. Ну, как доской прибитый! Сел поодаль от всех. Он всегда держится особняком, чтобы Сабельников не подумал ненароком, будто он примкнул к одной из партий.

О, Зиночка... вся из себя королева... полей кукурузных. Зиночка всегда готова и юбку поднять, и подножку подставить в зависимости от выгоды. «С кем я работаю!» – подумал Сабельников, отхлебывая из бутылки якобы минералку, но на самом деле перед приходом гостей он налил туда виски.

Чертикам на столе, видимо, тоже не по нраву пришлось вошедшие, потому что они и развернулись к ним хвостиками, а лицом к Сабельникову, не дрыгали ножками, а сели рядом штук семь и с жалостью глядели на подопечного. «Вон эти и то понимают, глядеть на моих уродов не могут и мне сочувствуют, – продолжал внутренний монолог Сабельников. – Хоть эти с истинным лицом. А мои... ух и шкуры!»

«Шкуры» ждали объяснения, зачем их собрал всех вместе господин мэр.

Смахнув широким жестом со стола всех чертей разом, Сабельников начал, осторожно подбирая слова и придавая голосу по возможности беззаботный тон:

– Я призвал вас, чтобы кое-что сообщить. На днях я получил одно странное приглашение, и меня, если честно, оно заинтриговало. Дело в том, что оно слишком необычное... даже глупое... Нельзя сказать, что приглашение это меня испугало, но можно сказать... – Возникла пауза, потому что на мэра все без исключения посмотрели как на нечто диковинное. Ну правильно, нельзя же так слова жевать. – Я решил посоветоваться с вами. Вот, – мэр поднял вверх листок, – здесь список, в который все вы внесены. Нас пригласили... сегодня ночью... в двенадцать часов... э... на кладбище! И знаете кто? Рошин! Ха-ха-ха-ха!.. ха... ха... кхе...

Смех главы быстро сошел на нет. Никто больше не смеялся. И никто не смотрел на Сабельникова с превосходством психически здорового человека над помешанным. Пауза. Один Матвей Хрусталеv, дернувшись, закинул ногу на ногу, потом еще дернулся и переменял ногу.

Уж слишком длинная пауза, надо чего-нибудь и сказать...

– Ну? Чего не смеетесь? – не нашел подходящего вопроса Сабельников.

– Потому что не смешно, – проворчал под нос Бражник, скрестив на груди руки.

Опять пауза. Беспokoйно оглядев разношерстную компанию, робким голосом заговорил Арнольд Медведкин:

– Дело в том, Николай Ефремович, что я видел Рошина вчера у редакции, а Бражнику Ким звонил домой. Тоже вчера.

– Интересно, – взялся за подбородок Сабельников, теперь уже благодушно улыбаясь: ведь приятно, что крыша поехала не только у тебя, это как-то успокаивает. – Очень интересно.

Теперь мэр ждал, что скажут остальные. Банкир Фоменко полез во внутренний карман пиджака и бросил на стол к Сабельникову фотографию:

– А мне он прислал... вот, посмотрите и прочтите.

– И я его видел, – подскочил Хрусталеv. – Вот как вас. На даче! Представьте: пью чай – и вдруг покойник перед глазами в вечерних сумерках!

– И все? – Сабельников по очереди остановил взгляд на Зиночке и Ежове. Первая неопределенно шевельнула плечиками, второй сосредоточенно и вдумчиво молчал. – Ну так и я признаюсь, что вчера видел его поздно ночью. Он лично пригласил нас на свидание. Я уж думал, у меня того... не все дома, а оказывается, не у меня одного, хе-хе.

– Мне кажется, я тоже повстречал его, – «с трудом припоминал» и Ежов, даже глазки закатил к потолку, словно там искал остатки памяти. – И мое мнение однозначное: это двойник Рошина, который хочет с нас поиметь.

– Или нас поиметь, – ни к кому не обращаясь, уточнил Бражник.

– Это не двойник, – уверенно заявил Медведкин. – Это Ким.

– Ничего не понимаю, – раздраженно сказал Сабельников. – К нам что, являлся покойник? Ну-ка ответьте, кто видел его в гробу? – Кроме самого мэра, Зиночки и Ежова, остальные подняли руки. – Так, значит, он лежал в гробу, а теперь ходит? Несуразица.

– Это двойник. Двойник! – категорично выкрикнул Ежов.

– Ну а раз двойник, тогда нам нечего бояться, так я понимаю, – улыбнулся Сабельников. – Я сообщу Куликовскому, пусть займется...

– Я думаю... – снова голос Медведкина звучал робко. А впрочем, он позволил себе перебить высокопоставленное лицо, что робостью уже не назовешь. – Нам надо пойти и выяснить, чего хочет Ким. Если это Ким.

– Я подставляться не намерен! – вскипел Ежов.

– погодите, Валентин Захарович, – мягко остановил и его Медведкин. – Если мы обратимся к Куликовскому, тот, разумеется, поднимет на ноги всю милицию, Ким... двойник Кима затаится, я уверен, его не поймают, а потом может всякое произойти.

– Какое всякое? – подозрительно сощурился Ежов.

– Откуда мне знать, – прискорбно вздохнул Медведкин. – Я только хочу сказать, что сейчас нас семеро...

– Смелых, – грубо пошутил Бражник.

– Ой, Гена, не надо иронизировать! – поморщился Медведкин. – Я признаюсь: мне страшно. Жутко страшно, честно! Но я согласен пойти. Мы должны знать, чего он хочет. Покойник это или нет, но он чего-то хочет.

– Перестрелять нас хочет, – мрачно бросил Бражник.

– Он мог это сделать, не приглашая на общую встречу, – возразил Медведкин. – Каждого отловить и... Меня, например, вполне вчера мог застрелить.

– Так что делать будем, господа? – поставил вопрос ребром Сабельников.

Вновь повисла пауза. Каждый решал стратегический вопрос: идти или не идти на кладбище. И тут вдруг секретарша сообщила по селектору, что звонит какой-то Ким и говорит, что мэр ждет его сообщений. Мало сказать, что лица у всех вытянулись. Сабельников нажал кнопку, и все смогли услышать Рощина:

– В двенадцать. И всемером, без Куликовского и милиции. Иначе свидание не состоится, а это важно. Для вас. Жду, господа.

Да, нынешнее внеплановое заседание оказалось богато на паузы.

– Это Ким, – пессимистично сказал Медведкин. – Это его голос.

– Такое ощущение, что он видит и слышит нас, – проронил Фоменко.

– Да, видит и слышит! – нервно захрустел фалангами пальцев Хрусталева. – Я изучил литературу на досуге, там сказано, что покойному в исключительных случаях разрешается выходить на свет божий. Он все знает и видит, потому что может принимать как видимую форму, так и невидимую. Он... он здесь... он доберется до нас.

– Бредятина, – фыркнул Ежов, презрительно глядя на дрожащего Хрусталева.

– Мое мнение сводится к следующему, – сказал банкир. – Нам надо держаться вместе. Я лично не верю во всякие сказки, однако это все слишком впечатляет. Предлагаю пойти. Почему нет? Но с оружием. Если Ким – человек, мы его схватим. Если нет, он все равно попытается нас достать, тогда подумаем, как с ним бороться. – И Фоменко положил на колени пистолет.

– Вы с ума сошли! – раскричался покрасневший от негодования Ежов. – Взрослые люди, а рассуждаете как деревенские бабки. Рощина нет в живых, он не может ходить по городу, звонить, угрожать! Это какой-то шарлатан. Я никуда не пойду без милиции. И даже с ней не пойду. Кладбище. Покойник назначил свидание... Бред, да и только! Вы хотите, чтобы над нами хохотал весь город? Отлично, идите. Но без меня.

– Позвольте мне перебить вас еще раз, – сказал уже без обычной робости Медведкин. – Я понимаю, это, должно быть, глупо – покойник разгуливает как живой. Но мы все так или иначе уже столкнулись с ним. Рошин, или не Рошин, не оставит нас в покое, это, надеюсь, понятно всем. А теперь представьте картину. Мы приезжаем с вооруженными людьми, Ким не показывается. Мы не узнаем, что ему надо, а милиционеры действительно поднимут нас на смех. И первый – Куликовский. Семь человек напугал покойник! Представляете пассаж? Это будет бомба в городе и в области.

– Да, влипли мы, – нахмурился Фоменко. – Ножницы. С одной стороны, некто под именем Ким почему-то не боится нас, с другой – нам грозит слава умалишенных. Наши противники не преминут воспользоваться такой ситуацией.

– Что до меня, – вздохнул Хрусталева, – мне тоже не очень хочется... туда идти...

За ним раскрыла сумочку Зина, достала свою «игрушку»:

– А мне просто интересно посмотреть на этот цирк.

Сабельников положил пистолет перед собой на стол. Хрусталева, безнадежно махнув рукой, достал свой. Все посмотрели на Ежова, тот беспричинно надулся:

– Мой в кабинете. Не разгуливать же мне по администрации с оружием.

– Ну а вы? – обратился Сабельников к Медведкину и Бражнику.

– А у нас нет, – ехидно показал ладони Геннадий Павлович. – Нам, кроме покойника, бояться некого и нечего, поэтому оружием не запаслись.

– Это намек? – надменно спросил Ежов, приподняв одну бровь. – Мы, значит, должны бояться всех, не так ли?

– Это факт, – огрызнулся Бражник, – а он вещь упрямая. Вы же ходите с оружием? Следовательно, вам есть кого опасаться.

– Остановись, – плаксиво бросил ему Медведкин. – Давайте в мире дождемся ночи. Ей-богу, так хочется, чтобы все по-хорошему было. Не думать, что твои слова превратно истолкуют, не путаться в подводных течениях, когда разговариваешь, не высчитывать ходы вперед и назад... Давайте говорить прямо и просто, без задних мыслей, а? Неужели это трудно?

Речь Медведкина, отдающая плакатным душком, пролетела мимо Сабельникова. Он проверял прицел – брал на мушку нахаленка, повисшего на карнизе. Николай Ефремович за время длительного совета протрезвел, и чертики уменьшились. И в числе, и в размере. Невдомек только ему было, почему черти именно зеленого цвета?..

5

К кладбищу прибыли на двух машинах в половине двенадцатого. Вышли. Постояли в нерешительности, собираясь с духом. В кабинете были и свет, и стены, то есть видимая защита от пришельца с того света, а кладбище покрыто мглой, оттуда тянуло могильным холодом, кое-где видневшиеся надгробия из белого камня казались призраками. Редкие фонари вдоль аллеи бросали желтые пятна на землю, да зловеще шуршала листва.

В начале двадцатого века кладбищем завершалась черта города, теперь же оно находится практически в центре, окруженное девятиэтажками попеременно с домами частного сектора. Кладбище заросло кустарниками, деревьями, сорняками в человеческий рост. Здесь существуют захоронения, сделанные более двухсот лет назад. Плющ с диким виноградом оплели каменные плиты и надгробия. Кладбище посещают приезжие, потому что здесь стоит великолепная старинная церковь, имеется множество памятников – скульптурных фигур, высеченных из камня, среди которых есть привезенные из самой Италии. И похоже теперь кладбище больше на парк, тихий парк для вдумчивых прогулок. А еще сюда приезжают паломники – поклониться святым, захороненным здесь же. Однако ночью кладбище привлекает только бомжей, которые находят убежище в древних часовнях и склепах.

Каждого из семерки проняла дрожь перед воротами кладбища. Даже Зина жалась поближе к мужчинам, а она женщина из бетона. Никто не решался сделать первый шаг. Свидание назначено в глубине, а пространство последнего приюта давно ушедших из мира горожан огромно, следовательно, предстояло идти, лавируя среди могил. От одной мысли об этом прибывших на назначенное ночное рандеву невольно оторопь брала. Из глубины подсознания всплывали животные страхи, рожденные преданиями.

Ежов сдавленно пробормотал:

– А если там засада?

– Мы, в конце концов, мужики, – сказал Фоменко, взглядываясь в таинственную темень и вынимая пистолет. – Идемте, черт возьми, я всех живых и мертвых перестреляю.

Безоружным Бражнику и Медведкину было поручено освещать путь фонарями, предусмотрительно взятыми в белом доме городской администрации. Итак, закончив подготовку, семь человек зачем-то подняли воротники плащей и пиджаков и, несмело переступив границу кладбища, вдруг разом попятнулись. Со всех сторон одновременно раздались шорохи! Словно сонный мир встрепенулся. Несколько секунд спустя шорохи прекратились.

– Кошки, – определил Бражник. Потом, следуя по аллее, он обратился к Сабельникову, и голос его притом приобрел тошнотворно-сладкую окраску: – А не ответите ли мне, любезнейший господин мэ́р, отчего на вверенном вашему попечению кладбище горит всего два фонаря, да и то, как я понял, у церкви?

– Зачем на кладбище жечь электричество? – искренне удивился мэ́р. – Мертвецам оно не нужно, а нормальным людям тут по ночам делать нечего.

– Ну, это как сказать... – оскалился Бражник, – мы вот, например, вполне нормальные, однако решили прогуляться по погосту и попали в сплошную темень. Эдак недолго и ноги переломать. Вы уж позаботьтесь, господин мэ́р, об освещении данного объекта. Вдруг еще кому-нибудь назначит свидание представитель того света.

– Гена, охота тебе на рожон лезть? – тихонько спросил Медведкин, но Бражник проигнорировал слова друга.

– А в двенадцать наступит тринадцатое число и пятница, – как бы между прочим сказал Хрусталеv. Даже в темноте он имел бледный вид.

– И что из того? – затравленно озиралась по сторонам Зина.

– Сатанинское число и день, – пояснил Матвей Фомич вибрирующим голосом. – Нечисть всякая выползает наружу. Ведьмы там и вампиры... Их здесь, наверное, множество...

– Бредятина, – сплюнул Ежов. – Надо вернуться, пока не поздно. Мы образованные люди, а попались на удочку. Наверняка нас на понт берет преступная группировка.

– Что, очко играет? – ухмыльнулся Бражник.

– Ты кому это говоришь? – взбесился Ежов.

– Вам, Валентин Захарович, вам, – полез в бутылку Бражник.

– Цыц! – гаркнул Сабельников, стараясь не выдавать, насколько ему не по себе. – Хватит собачиться! Раз уж мы здесь, то пошли. Уверяю вас, это не так страшно, как вы себе представляете.

– Вы на чертей намекаете, которых гоняете? – задирался Бражник. Про чертей знали все, о чем не догадывался Николай Ефремович.

– Слушай... – Сабельников вплотную приблизился к нему, стал чуть ли не нос к носу, – ты меня доведешь, что я от тебя мокрого места не оставлю.

– Уже не оставили, – огрызнулся Бражник. – Меня по вашей милости на работу никуда не берут, кроме как ночным сторожем. Мне терять нечего.

– Ой, да будет приbedняться, – подал голос Ежов. – У тебя, Геннадий Павлович, два предприятия, записанные на жену, но руководишь-то ими ты. В них и деньги вложил, украденные у Рощина, так? Нам же все известно.

– Сказал самый честный человек в городе... – саркастически подметил Бражник.

– Гена, перестань, прошу тебя, – взмолился Медведкин и обратился ко всем: – Ну почему нельзя быть нормальными людьми? Хоть раз в жизни?

– Выходит, мы не нормальные? – зло воскликнула Зина.

– Господи, что вы за люди! Я ведь не то имел в виду! – плаксиво произнес Медведкин. – Каждое слово истолковываете превратно.

– Все, двенадцать, – трагически возвестил Хрусталеv. – Пятница, тринадцатое.

– Прекратите! – прошипел придушенно Фоменко. – Хватит вякать! Ты, Гена, неудачник, а свои неудачи нечего перекладывать на чужие плечи. И ты, Матвей Фомич, перестань мистику нагонять. Если кого и бояться, так только живых, мертвые нам ничего не сделают. Иначе на земле давно бы одни звери обитали.

– Звери и обитают, – проворчал Бражник. – Жаль, зеркала нет.

– Я сказал, хватит! – уже заорал Фоменко, а через паузу, набравшись смелости и шагнув вперед, добавил: – Идемте. Держимся вместе. Не отставать!

Тесной группкой прибывшие двинулись по центральной аллее. Шли молча и медленно, слушая кладбищенский покой. О этот покой, в котором затаилась опасность! Звуки их робких шагов по утоптанной, посыпанной галькой дорожке казались неестественно громкими. Кто-то из семерых споткнулся, остальные мгновенно замерли, занеся ногу для следующего шага.

– Это я... об камень... – простонал Хрусталева, морщась от боли.

Группа пошла дальше. Из-за туч выглянула луна, бросив хилый свет на холмики, надгробия и кресты. На душе каждого стало совсем погано.

– Полнолуние, – отметил вслух Хрусталева, дав всем понять без дополнительных слов, что полнолуние – еще один плохой знак.

– Закройте, пожалуйста, рот, – взвыл Медведкин. – Без вас страшно.

– Правда, Матвей Фомич, – сквозь зубы процедил Фоменко, – не закроешь пасть, я сделаю покойника из тебя. И даю гарантию, что уж тебя-то не отпустят с того света ни в каком случае.

– Я просто обратил ваше внимание, чтобы вы ничему не удивлялись, – начал оправдываться Хрусталева, на всякий случай отступая от Фоменко.

– Нет, это невозможно! – истерично вскрикнул Ежов и забормотал: – Сумасшедшие. Зачем я иду за вами? Мне что, больше делать нечего?

– Цыц! – сжал кулаки Николай Ефремович. – Я сказал: цыц! Куда дальше идти?

– Кажется, – высматривал в темноте ориентиры Арнольд Арнольдович, – сворачивать вот тут надо. Я плохо помню, давно здесь не бывал. Ага! Вон видите, ангел белеет? За ним стоит часовня купца.

Мраморный ангел зловеще выделялся на фоне темных крон. Блики луны пятнами легли на его фигуру с поднятой рукой, словно ангел занес над головой меч. Но меча не было, он только чувствовался, и казалось, невидимый меч занесен над группой полуночников и вот-вот обрушится на их головы. Все заворуженно засмотрелись на ангела.

– Сворачиваем! – приказал Сабельников.

Теперь предстояло идти по тропкам, огибая могилы, потому как на старом кладбище захоронения сделаны хаотично, без всякой системы. Холмики и надгробия жмутся друг к другу, окруженные кустами, деревьями, оградами. Теснее сплотили ряды и невольные искатели приключений. Однако монолитом не пройти. Сабельников, проглотив подобранный к горлу ком страха, шагнул в гущу могил первый:

– Не останавливаться же на полпути! В гробу я видал всякие привидения, вампиров и тому подобное. За мной, я сказал!

Потянулись гуськом остальные. Нечаянно Хрусталева очутился сзади всех, его оттеснили более наглые. Он заторопился, дабы не отстать, и вдруг... кто-то схватил его за пиджак! Матвей Фомич враз покрылся испариной, попробовал вырваться, да не тут-то было! «Понял, – подумал он, – Роцин пощелкает нас поодиночке!» Тут еще и нога его провалилась куда-то по щиколотку... Издав вопль отчаяния, он обхватил большой каменный крест обеими руками, страшась, что его утащат... туда!

Компания остановилась, ввергнутая в смертельный ужас воплем Хрусталева. Зина ринулась назад, надумав бежать без оглядки и в одиночестве. Она метеором пронеслась мимо пятерых остолбеневших от страха мужчин, но возле Матвея Фомича, обнявшего крест, опомнилась:

– В чем дело, идиот?

– Меня кто-то держит, – выдавил тот, с трудом шевеля губами.

Подоспел Бражник с фонарем, за ним подтянулись остальные.

– Его кто-то держит, – сообщила Зина, едва переводя дыхание и вытаращив глаза.

Бражник осветил тыл Хрусталева и закатился от смеха. Он хохотал, захлебываясь, не успевая добрать в легкие воздуха, не имея сил объяснить причину смеха, только показывая

жестами: мол, посмотрите. И что? Пола пиджака зацепилась за прут развалившейся ограды. Полу отцепили, Хрусталева нет. Он словно прирос к кресту. А Бражник все хохотал. Фоменко, разжимая руки Хрусталева, гаркнул на него:

– Заткнись! Это не смешно! Идти можешь, Матвей?

– М-м-м... м-м-м... – отрицательно мотнул головой Хрусталев.

– Размазня, – шикнула Зина. – Давайте оставим его здесь и уйдем.

Угроза безжалостной Зинули привела Хрусталева в чувство. Представив себе на миг, что он останется здесь один, Матвей Фомич дернулся и... очутился впереди всех. Его трясло, как тогда в дачном домике, когда он увидел призрака. Дар речи к нему не вернулся, но соображение сработало неплохо.

До часовни добрались без приключений.

Вот она, часовня девятнадцатого века, воздвигнутая купцом в память о покойной жене. Не тронутая вандалами, но слегка разрушенная временем. Она чернела в нескольких метрах, будто вход в преисподнюю. Семерка вновь остановилась, всматриваясь в зловещую массу из камня. Вход в часовню был забит щитом из досок, успевших прогнить. Два длинных проема по бокам двери перекрыты решетками. Вокруг часовни могилы, могилы... Сплошная жуть!

Не имея больше сил держаться на ногах, Хрусталев мешком плюхнулся на заросший холм без надгробия. Сабельников достал плоскую бутылочку и, не отрывая взгляда от часовни, выпил добрую половину, громко глотая виски. Потом не глядя вытянул руку с фляжкой в сторону. Бутылочка обошла пятерых, все подкрепились глотком. Когда до Хрусталева дошла очередь, он тоже жадно прильнул губами к горлышку, но разочарованно протянул:

– Я так и знал. Мне отказано даже в последнем глотке. Это рок.

– Я внутрь не пойду, – категорично заявил Ежов. – Вдруг там бомба?

Все переглянулись. А ведь на самом деле, в часовне запросто может лежать бомба. Очень действенный способ разделаться с обидчиками разом. И надежный. Завтра начнется: куда делись семь человек? А никуда, исчезли с лица земли, и все! Вот что они не учли, когда собирались на свидание.

– Это разумно, – поддержал Ежова Фоменко. – Нам не стоит туда идти. Если ему так надо, пусть выходит к нам. Верно?

Молчание, разумеется, явилось знаком согласия. Тем временем Бражник поднес руку к фонарю и сообщил:

– Десять минут первого. Интересно, где же Рошин?

И вдруг как гром среди ясного неба раздался голос:

– Я здесь.

Он прозвучал так громко, что компания, вздрогнув, шумно ахнула и застыла. Когда прошел первый шок, все медленно принялись озираться, поворачиваясь вокруг невидимой оси и собираясь в тесное кольцо, ближе друг к другу. Они искали глазами Рошина, но его нигде не было. Быстро подполз на четвереньках к шестерке и Хрусталев – ноги совсем не слушались его. Подполз и перекрестился несколько раз подряд.

– Не ищите меня, не найдете, – сказал Рошин, пожалуй, слишком громко.

– Кажется, голос идет из динамика, – сообразил Бражник, сохранивший присутствие духа. – Он говорит в микрофон... или запись идет.

– Ну, ты! Показывайся! – истерично закричал Ежов. – Где ты? Чего ты хочешь?

– Не бойтесь, вам ничего здесь не грозит. – Голос Рошина остался ровным, он звучал, казалось, отовсюду. Фраза возымела действие, обнадежила. Поджатые от испуга к ушам плечи семерки опустились и даже слегка распрямились. Рошин при жизни держал свои обещания. – Я пригласил вас сюда, чтобы напомнить одну истину: мemento мори! Что означает: помни о смерти! Все вы, господа, рано или поздно упокоитесь...

– Лучше поздно, – прорезался голос у Хрусталева, ему не хотелось умирать.

– Вас ждет сначала слой земли над телом, – продолжал Рошин, – потом о вас позабудут, как позабыли о многих, лежащих на этом кладбище. Но и вы забыли, что все когда-то кончается. Вас семеро. Какое символичное число, не правда ли? Бог создал землю и все живое на ней за семь дней. Я, конечно, не бог, но обещаю...

– Что? Что? – почти беззвучно срывалось с уст семерки.

– Я обещаю уничтожить вас за семь дней, уничтожить вашими же методами. Итак, у вас в запасе семь дней, но не у всех. Мemento мори, господа. И до встречи.

Шок, вызванный этими словами, был подобен катастрофе. С минуту никто не шевелился, даже не моргал, а возможно, и не дышал. Над семеркой парило «мemento мори». И каждый примерял два страшных слова на себя. Из часовни с диким воплем выбежала черная – или очень темная – кошка и умчалась в кусты. Своим неожиданным появлением кошка словно оживила стоявших истуканами. Они отскочили в стороны, уступая ей дорогу. Один Хрусталеv остался сидеть на земле, сраженный обещанием Рощина. Он лишь сжался в комочек, когда черная тварь пронеслась мимо.

– Динамики... – первым пришел в себя Бражник. – Он говорил через динамики... Надо отыскать их.

– Что это даст? – прошипел Фоменко.

– Он где-то здесь... – говорил Бражник тихо, оглядываясь. – Он рядом, мы сможем его поймать. Я чувствую его.

– Он пригрозил, что убьет нас? – никак не верилось Сабельникову, медленно приходившему в себя. – Так это может сделать лишь человек. Рошин, выходит, человек, а не...

– Смотрите!!! – крикнул хрипло Медведкин, указывая на часовню.

Кровь снова застыла у всех в жилах. Проем в часовне, расположенный на уровне метра от земли, слабо осветился. В нем стояла фигура в белых одеждах. Отгороженная решетками, она будто нависла над семеркой, казалась таинственной и недостижимой. Это был Рошин. Его бледное лицо хорошо выделялось на фоне черноты. Зина завизжала, как поросенок под ножом. И она первая выстрелила в фигуру. Открылась пальба по часовне. Стреляли Сабельников, Фоменко, Ежов и Зина. Бражник бросился к неподвижному Хрусталеvu:

– Дай пушку!

– На! – бросил оружие тот.

Пистолет упал, Бражник мигом нашел его, но тут на него навалился Медведкин:

– Не смей! Ким – твой друг! Не делай этого!

Грубо оттолкнув приятеля так, что тот упал, Бражник прицелился и выстрелил несколько раз. Вдруг фигура повалилась навзничь, исчезнув из вида, и пальба прекратилась. Сабельников резюмировал, тяжело дыша:

– Так будет со всеми покойниками. Пошли в часовню?

Но, предложив это, не двинулся с места. Бражник и Фоменко взяли фонари и, держа наготове пистолеты, осторожно ступая, пошли к часовне. За ними крался Сабельников, потом Зина. Достигнув входа, Бражник и Фоменко высадили трухлявый щит, подняли фонари над головами и, набравшись смелости, все же переступили порог, оглядели маленькое помещение, заваленное мусором.

– Вот те раз... – протянул Фоменко в полной растерянности.

– Вот те два: где же он? – спросил за спиной Сабельников.

Рощина в часовне не оказалось. Это было еще одно сильное потрясение, которое подтвердило, что потусторонние силы существуют.

Глава 3. Кто покойник?

1

Шел пятый час утра. В резиденции Сабельникова семерка в полном составе сидела в гробовой тишине уже часа два. Пили коньяк, мэр – виски, некоторые курили сигарету за сигаретой. Николай Ефремович, находясь в скверном состоянии после приключений на кладбище и выпитого спиртного, позволил чертям оседлать себя. Они забирались ему на плечи, голову, соскальзывали по переносице и плюхались на пол. Неужели никто этого не видел? Мэр косился на присутствующих, стараясь понять, почему те упорно не замечают целую дюжину чертей? Изредка он передергивал плечами, сбрасывая надоедливых нахалят, но те лезли на него снова, издавая кряхтенье и хрюканье. Кто-то подсказал вызвать Куликовского. Позвонили ему. В конце концов, милиция должна защищать граждан... Да, и от покойников тоже. Куликовский прибыл сонный и мрачный, уместил тучное тело в кресло и обвел взглядом семерых встревоженных господ. А господа будто в рот воды набрали – молчок. Мутные глаза Куликовского останавливались на каждом по очереди, но никто так и не начал излагать причину столь раннего вызова.

– Не понял, зачем вы меня позвали? – спросил он более чем удивленно.

– Мы не знаем, как объяснить, – глубоко затянулся сигаретой Бражник.

– Без затей, – подсказал Куликовский.

Нежданно-негаданно возник базар. Говорили все, перебивая друг друга, хором и нервно, размахивая руками, закатывая глаза к потолку. В свои пятьдесят шесть лет Куликовский видел всякое. Но чтобы уважаемые люди все скопом могли поднять такой гвалт, люди, от которых обычно веет холодностью и степенностью, высокомерием и неприступностью, – такого не видел. Он, разумеется, абсолютно ничего не понял, поэтому поднял вверх руку, призывая всех к тишине. Тишина наступила так же внезапно. Куликовский почесал мизинцем в ухе, будто прочищал его, и сказал:

– Теперь еще раз, но по очереди.

– Мы сегодня ночью ходили на кладбище, – деловито начал Ежов.

– Да? – поразился Куликовский, немного повеселев. – А зачем?

Ежов усмотрел в вопросе откровенную насмешку. И ему это не понравилось. Он не любил, когда над ним насмехаются. Вспылив, что стало заметно по резко сжавшимся губам и раздувающимся ноздрям, Валентин Захарович сделал жест рукой: мол, пусть продолжает следующий, а я не желаю попадать в глупое положение.

– Нас пригласил туда Ким Рошин, – продолжил Сабельников.

Рошина хорошо знал и Куликовский. Само собой, он знал также, что тот умер, а посему, приподняв брови, недоуменно произнес:

– Не понял.

– Мы, – начал веско Фоменко и для пущей важности свел брови к переносице, – встретились с Рошиным на кладбище по его просьбе... то есть требованию. До этого он к каждому из нас приходил или сообщал о себе другими способами. На кладбище Рошин сказал, что уничтожит нас за семь дней. Он показался нам в проеме часовни, мы ворвались в часовню, а его там не оказалось. Все.

Куликовский выслушал его с выражением человека, которого огрели по голове рессорой, – человек покуда не упал, но вот-вот это произойдет. Он застыл с выражением тоски и боли. Да, ему, хронически недосыпавшему последнюю неделю по долгу службы, семь чело-

век причинили сейчас боль. «Поднять меня в такую рань! – страдал он про себя. – И я притащился... чтобы услышать эту ахинею! Кто они после этого? Правильно их народ не любит». Куликовский славился сдержанностью. Не уронил себя и в данный момент, хотя позыв послать подальше чокнутую семерку по-милиейски прямо был. Тем не менее он обернул все в шутку:

– Друзья мои, а сколько вы выпили?

Что тут началось! Будто бензина в огонь плеснул.

Ежов с пеной на губах:

– Вы не смеете не верить и обвинять нас в пьянстве! Мы бы не обратились к вам, если бы сами могли это объяснить. Всем сразу не могло померещиться!

Одновременно с ним Зина:

– Если бы вы там были! Это было ужасно, ужасно...

Сабельников ворчал, легкими движениями пальцев сбрасывая чертей с коленей:

– Конечно, в такое трудно поверить, но мы на самом деле его видели. Он угрожал нам и исчез, когда я... мы... хотели его схватить. Был в часовне, мы – туда, а его там нет.

Медведкин уверял, не обращаясь ни к кому:

– Это был Ким, клянусь. Без сомнения, это был он, поверьте.

– А у меня экспертиза! – рычал Фоменко. – Экспертиза у меня!

– Я, извините, вообще хожу с трезвой головой, – бурчал Бражник, – не то что некоторые, и могу подтвердить сказанное. Нас слишком много, чтобы у всех чердаки протекли одновременно. Вас это не наводит на мысль, что то, что мы говорим, – правда?

А Хрусталеv невнятно бормотал под нос, затравленно поглядывая на товарищей по несчастью. Он не смог удержаться, чтобы не пропустить двести граммов от стресса и не выкурить полпачки сигарет за раз. Теперь ныла печень, селезенка и поджелудочная железа, стреляло в поясницу – почки забарахлили. После посещения кладбища он и первые признаки аритмии ощутил. Только все эти болячки ничто в сравнении с постигшим несчастьем. Да, на них обрушилось страшное, невозможное, однако близкое несчастье. Им отпущено семь дней. И кем?! Человеком, который умер! Мало того что покойника застрелили, так он еще делся куда-то! Тут впору свихнуться. Так что мысли Хрусталева блуждали в проблемах, он думал лишь о спасении.

Тем временем Куликовский, почесывая короткую бородку, спросил:

– Значит, вы утверждаете, что Роцин жив?

– Нет!!! – завопили члены семерки раздраженно. – Он умер!

– Так, – прозвучало почти ласково через паузу, и только богу известно, какие страсти кипели внутри Куликовского. – Значит, умер. Угу, это я понял. Умер – доступно понимаю. Но чего же вы от меня хотите?

– Ты должен найти его! Потому что он грозился убить нас, – высказал наконец Сабельников, зачем вызван Куликовский ни свет ни заря. – Он так и сказал: уничтожу за семь дней.

– Кто сказал? – ну никак не врубался тот.

– Роцин! – выдохнул фатальную фамилию Фоменко. – Найдите его и посадите в тюрьму, чтобы не смел угрожать.

Впечатление, которое произвел ответ на Куликовского, было неизгладимым. У него не то что челюсть отвисла и глаз остановился. Некоторое время он вынужден был укрощать свои порывы, дабы не врезаться по уважаемым рожам, вздумавшим так грубо его дурачить. Но решил вступить в игру, которую бездарно начали семь человек. Куликовский через силу улыбнулся – впрочем, в его улыбке проскользнула издевка – и, сохраняя внешнее спокойствие, изрек:

– Так ведь его нет.

Ежов подскочил и хотел бросить что-то гневное в лицо тупому милиционеру, которого раньше уважал. Но в данный момент важны не амбиции, а то, чтобы этот боров поставил на

уши город и помог выявить привидение. Только поэтому Валентин Захарович в сердцах махнул рукой и отступил к окну. Куликовский же продолжил говорить как умный круглым дуракам:

– Друзья мои, я не могу искать труп. По всем данным он покоится в могиле. Я лично свидетельствую, что Ким Роцин лежит на кладбище...

– Но он живой! – закричал, не выдержав, Ежов. – Понимаете, жи-вой!

– Труп живой? Где-то я такое слышал. Но все равно так не бывает.

– Позвольте мне, – поднял руку Медведкин.

И он обстоятельно рассказал о визитах Роцина и приключениях на кладбище. Стараясь никого не обидеть, пропустил эпизоды с полкой пиджака и выстрелами, воздержался от комментариев, то есть мнение по поводу чертовщины не высказал. Куликовский слушал с повышенным вниманием, бывало, кое-что уточнял, а, в общем, внешне остался к факту существования пришельца с того света равнодушным. Лишь по окончании рассказа пообещал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.